

Александр КЛИМОВ

СЕЛЬВА

Фантастическая повесть

Художник Генрих КОМАРОВ

Арвин Най

Скорпион ухватил клешней голенище сапога, лениво взмахнул колбочкой и нараспев произнес:

— Вечерним сумеркам приятен чайной розы аромат. Здравствуйте! Почешите мне за ушами.

По дубленой коже сапога побежала янтарная маслянистая капелька яда.

Скорпион крупный, размером с кошку или комнатную собачонку. Под бурым просвечивающим панцирем угадывается бьющаяся спираль мозга. А может, это и не мозг вовсе, а что-нибудь другое. Например, желудок. Просто охотники и лесорубы так решили: спираль — мозг, и баста! А ученых на Ферре нет. Какой дурак сюда по доброй воле сунется?

— Восход встречает нас косою смерти острой, — ноет скорпион и снова тычет в голенище загнутым острым жалом. — Почешите мне за ушами!

Никаких ушей у него, конечно, нет. Как говорит и зачем — тоже не понятно. Но хорош! За такого красавца перекупщики отвалят монет десять, а то и двенадцать. На Эсте они в большой моде. Дамочки от них без ума: «Ах! Посмотри, дорогая! Это говорящий скорпион с Ферры! Муж купил его за бешеные деньги, но я не жалею. Он очень милый. Мы зовем его Пуппи!..»

Десять монет, конечно, жалко, но ничего не поделаешь. Не тащить же его с собой.

Достаю тесак и рассекаю скорпиона пополам. Хвост падает в траву и начинает дергаться, стреляя фонтанчиками яда. Клешня еще долго волочится за сапогом, пока идущий сзади капрал не наступает на нее.

Поляна заканчивается, и мы вновь углубляемся в джунгли. Сельва, как всегда, встречает безмолвием, влажным удушливым мраком и огромными стаями летающих клещей. Пиявки тысячами вылезают из трясин и черных пузырящихся луж.

Откуда-то из болот разносится жуткий протяжный вой. Я останавливаюсь, и капрал, налетев на меня, бьет в спину дулом огнемета. Но мне не больно. Мне страшно. Так страшно, что начинает кружиться голова. Ужас — мой вечный спутник. А может — друг? Наверное, только благодаря ему я еще и жив. Странно... Он не дает мне погибнуть и в то же время душит меня, как живая лиана — медленно, но неотвратно.

В поселке меня называют счастливчиком, железным парнем, и никто не догадывается, что я пропитан страхом, как губка водой.

Никому не признался бы в этом, но себя обманывать глупо. И так кругом слишком много лжи.

Опять этот вой! Что там, в дымящейся трясине? Что-то новое? Родившееся вчера или секунду назад?

Надо идти, но ноги мои деревенеют. Руки мертвой хваткой сжимают теплую и влажную сталь автомата. Я ощущаю опасность кожей, каждым волоском, и чувство это настолько велико, что хочется бросить все: экспедицию, деньги и даже

бессмертие — и бежать, бежать! Забиться в дупло, зарыться в землю... Но и это не поможет.

Кто-то хлопает меня по плечу. Это капрал.

— Что остановился, герой? — шипит он мне в лицо. Его глаза — желтые, с красными прожилками оказываются прямо против моих. — Испугался, проводник? Струсил?

Страх уже отпустил. Разворачиваюсь и бью Пихру под лопатку. Бью спокойно, равнодушно, но достаточно сильно.

Капрал, как куль с трухой, валится в хлюпающую грязь. Лицо его синее, рот судорожно открывается и закрывается. Между нами, словно из-под земли, вырастает ботаник. В огромном кулачище зажат тесак.

— Тихо, вы, петухи! — кричит он. Шея багровеет, раздувается, налезает на воротник. — Нашли, где счеты сводить!

Лаборантка Келин Квинн опускается на землю. Она устала, и ей на все наплевать. Биолог словно проснулся. Он ничего не понимает и лишь трет носовым платком стекляшки очков. Лохматый узкоглазый Вако улыбается и ковыряет в ухе. Он всегда улыбается, когда назревает драка.

— Арвин! — сипит ботаник, как прохуdivшаяся покрывка. — Брось свои штучки, а то пожалеешь! Пока я начальник экспедиции...

Я ухмыляюсь и отворачиваюсь.

Куда они без меня? Без Арвина Ная они — покойники! Сельва шутить не любит. Молиться на мой страх должны!

Капрал поднимается. В груди у него что-то булькает и клопочет. Глаза побелели от злости.

Нет, лично против него я ничего не имею. Мне нет дела до Пихры, как и до всего экспедиционного корпуса. А что забучку получил — сам виноват: нечего угадывать то, в чем человек может признаться лишь самому себе. Да и то не всегда.

— Ну ничего, это тебе зачтется, — хрипит Пихра.

Врет! Пока мы в сельве, он меня и пальцем не тронет!

Сзади раздается уханье и повизгивание. Трудно поверить, но это смех! Вако веселится, тыча пальцем в заляпанное грязью лицо капрала. Он слабоумный, и у него свои понятия о юморе.

Келин начинает плакать. Голова ее дергается, плечи трясутся.

Сумасшедший дом.

И вдруг из болот снова доносится тот жуткий вой. Стена кустарника колыхнется, взметая облака желтой цветочной пыльцы.

Капрал Пихра

Стена кустарника колыхнется, взметая облака желтой цветочной пыльцы.

Стараюсь не дышать, но она, как живая, заползает в легкие, режет глаза. У носильщика горлом идет кровь.

Мне тоже не легче. Кажется, что в грудной клетке посе-

лился еж, и он ворочается, ворочается, пытаюсь найти путь на свободу.

Но ничего! Скоро все будет по-другому! Дерево вылечит мои больные легкие. Оно одно может помочь мне. И тогда — прощай, Ферра, мир гниющего леса и желтой ядовитой пыли. Я увижу моих малышей! И Марцию... Ведь они ждут меня. Пусть кто-нибудь посмеет сказать, что нет!

А из болота опять доносится рев. Кустарник уже не шевелится, но нам все равно чудится, что в нем прячется что-то большое и темное.

Най опять окаменел. Жаль, что с ним нельзя расправиться прямо сейчас. Без его нюха нам не выпутаться. Но он еще свое получит; дай только до Древа добраться!

Вако — слабоумный, в сапогах и рваной куртке на голое тело, тоже слышит рев и сразу перестает смеяться, как будто в рот ему забили пробку. В поселке кланялся мне в пояс, а тут надо же, осмелел! Смеется! Не иначе, поддержку ботаника чувствует.

Ну что ж. И это припомним.

А Най все стоит в параличе. Хорош проводник: с места не сдвинешь. Правда, везучий он, ничего не скажешь. Столько лет в сельве — и до сих пор жив! Но негодяй, конечно, как и все кругом.

— Ну что, идем? — спрашиваю, ни к кому в отдельности не обращаясь. — Или так и будем до ночи стоять?

Проводник молчит, к чему-то прислушивается, а все смотрит ему в рот, словно оттуда того и гляди выскочит золотая монета.

Бунтары! На Эсте участвовал в беспорядках, был отправлен на Ферру, чтобы воду не мутил, а туда же — пророка из себя корчит!

Ну, с этим пора кончать. Пока Най размышляет, джунгли прихлопнут нас и мокрого места не оставят.

Отталкиваю носильщика и выхожу вперед. Арвин что-то кричит, но я не слушаю. Также не мальчик, знаю, что делать!

Поднимаю дуло огнемета, открываю кран и щелкаю разрядником.

Тонкая, ослепительно белая нитка вылетает из раструба и разрастается в бушующий огненный цветок. Наступаю на кусты, передвигая дуло слева направо. Шланги хлопают по бедрам, ресницы скручиваются от нестерпимой жары. Оранжевый смерч гуляет по болоту, бенгальскими огнями разлетаются во все стороны горящие насекомые. Трясина закипает. В ней что-то ворочается, стонет, но в конце концов затихает.

Вот и все. Только голова немного кружится, будто я окмелел от собственного могущества. И баллоны стали легче, но их содержимого еще хватит, чтобы устроить не один такой фейерверк.

На месте кустов и болота — ровная площадка засохшей растрескавшейся грязи. Над сельвой тянется длинный язык гари. Запах такой, словно подожгли огромную кучу мусора. И чего было думать? Уничтожить — и дело с концом!

Все уставились на результаты моей работы, будто перед ними не какая-то выжженная яма, а по крайней мере россыпь изумрудов пополам с шевелящимися гадюками.

— Кретин! — бросает мне Арвин Най. Я кидаясь на него, но кто-то мягко останавливает меня за руку. Это Буфи Илм.

— Напрасно вы это сделали, Пихра, — говорит он, стаскивая с носа очки и подслеповато глядя мне в лицо. — С сельвой нельзя так. Она не терпит грубости. Сейчас наступит реакция, и мы даже представить себе не можем, в чем она проявится. Я же объяснял вам: уничтожьте травинку, крохотный листик, и что-то неуловимо изменится вокруг вас! Вы же сожгли целую стену кустарника...

Умник! Порой мне невыносимо хочется схватить его за жиденькие волосы и стукнуть лбом о землю, чтобы наконец объяснить ему, где он находится. Богатому мальчику захотелось приключений, и он не успел оглянуться, как оказался на Ферре, по уши в грязи, со всяким сбродом в одной упряжке. Да ведь не поймет...

Я ненавижу их — сытых, гладеньких. Биолога Илма, сочиняющего бредовые теории и не замечающего, сколько злости накопилось вокруг него, и Келин — куклу с пустыми глазами, и ботаника Браса, хотя он такой же ботаник, как я белешвейка. Они могут вернуться домой, на Эсту. Дерево для них — только путь к большим деньгам, славе, положению в обществе. Для меня же оно — единственная возможность вернуться к моим малышам. Вако, Най и носильщик — люди грубые, жестокие, но они так же, как и я, прикованы к Ферре спорами, превратившими их легкие в кровотокающий панцирь, не способный дышать чистым воздухом. Они — свои, как бы плохи они ни были.

А эти... Сделают свои деньги и улетят на Эсту, где нет ни болот, ни сельвы, ни желтой пыли.

Но и я непрост! Я тоже улечу! Чего бы мне это ни стоило. Ползком, но доберусь до Дерева! Ведь на Эсте меня ждут дети и Марция. И пусть кто-нибудь попробует сказать, что нет!

— Болото не обойти, — говорит Най, щелкая затвором автомата.

Буфи Илм

— Болото не обойти, — говорит Най, щелкая затвором автомата.

Арвину можно верить. Не знаю уж, чем это объясняется, но у него поразительно развито чувство опасности. И если он утверждает, что другой дороги нет, значит, так оно и есть.

Трогаемся вперед, пуская в авангарде носильщика. Бедняга побелел от страха. Он что-то лопочет на жаргоне феррианских лесорубов, но от волнения проглатывает окончания, и разобрать, что он говорит, совершенно невозможно.

Чудовищный порядок — пускать вперед носильщиков, проверяя на них опасные тропы. Пускай он наименее цен-

ный член экспедиции, разве от этого ему меньше хочется жить? Сколько раз я пытался убедить Лена Браса, что такого понятия, как ценность, применительно к жизни человека просто не может существовать. Но Брас лишь кисло улыбался и разводил руками: «Так принято...» Страшные слова. Страшнее всех ужасов сельвы вместе взятых.

А может, под маской рационализма прячется элементарная трусость? Но тогда я — первый среди трусов, потому что мне тоже жалко своей жизни и я ничего не делаю, чтобы изменить этот варварский порядок.

Да и так ли кровожадна сельва? Еще на Эсте, пытаюсь изучать Ферру по документам, образцам и фотографиям, я догадался, что сельва — не просто бескрайние болотистые джунгли. Все наводило на мысль, что это какая-то сложная сбалансированная система, в которой каждая травинка, листок, мошка — на своем и только своем месте. Стоит им исчезнуть, и их тут же заменит что-то другое. Это может быть нечто совсем безобидное — новое дерево, необычный цветок, но в результате такой замены может появиться и говорящий скорпион, и живая цветочная пыльца, и лиана-удавка. Функциональная связь между травинкой и чудовищем не прослеживается, но это вовсе не значит, что ее нет. Сельва латает раны, нанесенные человеком, и ей, конечно, виднее, как это сделать.

Человек же в джунглях — инородное тело, но настолько крохотное, что Ферра скорее всего и не подозревает о его существовании. Лиана-удавка не предназначена для ловли людей. У нее свои, не известные нам функции, правда, от этого она не становится менее опасной. Аборигены — частица сельвы, микроскопический ее винтик, а разве машина станет разрушать деталь самой себя?

Носильщик нехотя ступает на спекшуюся землю. Капрал подталкивает его дулом огнемета. Пихра жесток, но, по-моему, он глубоко несчастный человек, от горя своего опустившийся, теряющий доброту, как воздушный шар подъемную силу. Но, может быть, я ошибаюсь, и он был таким всегда? Носильщик для него — насекомое, и даже хуже. Жук, повинувшись инстинкту, может и укусить, носильщик же под дулом огнемета и слова сказать не посмеет.

Нет. Не верю!

Носильщик шаг за шагом продвигается по черному хрустящему пеплу. Келин от ужаса и предчувствия беды закрывает лицо руками. Пряди светлых волос выбиваются между пальцами, как мягкие живые водопады. Куда ее занесло? Не могу поверить, что она добровольно работает в этом аду. Она не похожа на искательницу приключений.

И вообще странно все это. Мы живем какой-то двойной жизнью. Похоже, что из них я один не представляю, что творится вокруг.

Най стоит у края болота, положив искусанные клещами руки на автомат. Он смотрит куда-то вверх. Лицо его угрюмо и непроницаемо. Рыжая борода свалаялась. В ней застряли кружочки высушенной рыски.

Сильный человек, но его тоже что-то гложет, впрочем, как

и всех на Ферре. Но разве узнаешь, что? Здесь надо жизнь прожить, чтобы понять этих странных людей. Для них мы чужаки.

Най плотнее затягивает ремешки каски. Мне бы хотелось иметь такого друга. Только, похоже, в дружбе здесь не нуждаются.

Поднимаю голову и тоже смотрю на джунгли.

С деревьями определенно что-то происходит.

Лен Брас

С деревьями определенно что-то происходит.

Сначала высокие и стройные, как свечи, они начинают изгибаться, кроны их разрастаются, образуя над болотом купол из ветвей. Стволы розовеют, покрываются чешуей с красными насечками. Листва редеет, сквозь нее виднеются громадные плоды с крупными шипами. Сверху, словно серпантин с рождественской елки, спускаются спирали воздушных корешков. Коснувшись земли, они проворно зарываются в грунт.

Такого видеть мне еще не приходилось. Наверное, Пихра основательно растревожил сельву. Но время идет, а опасности не видно.

Носильщик перешагивает через спутанные корни, стараясь по возможности не касаться гибких молодых побегов. Кажется, он и сам уже поверил, что опасность миновала. В начале пути у нас было шестеро носильщиков, теперь остался только один...

— Назад! — раздается вдруг у меня прямо над ухом крик Ная. — Быстрее!

Носильщик оборачивается и непонимающе крутит головой.

Внезапно, будто крышка гроба, поднимается и отваливается в сторону пласт сухой земли. Еще один, еще!.. Все болото приходит в движение. Спекшаяся корка трескается, лопается, идет волнами.

Носильщик, бросив поклажу, несется обратно. Он еще не понимает, что происходит.

Я тоже не понимаю, да и не я один. Глаза Пихры вот-вот вывалятся из орбит. Келин сжалась в комок, словно маленькая испуганная зверюшка. Илм стоит, будто ему прострелило поясницу, и, трудно поверить, на лице его — смесь страха и восхищения. Ей-богу, он самый ненормальный среди нашего бродячего бедлама.

А вот Арвин сел на вещмешок и спокойно курит. Уж он-то знает, что произойдет через минуту. Нюх, как у собаки — старой, битой, стреляной, на своей шкуре узнавшей, чего стоит украденное мясо. Железный парень. Лучшего проводника никто не смог бы найти.

Из трещин в земле начинают бить фонтанчики жидкой грязи. Она растекается, снова превращая поляну в непроходимое болото.

Носильщик уже увяз по колено. Он пытается вырвать-

ся из трясины, но она засасывает его все глубже и глубже.

Илм срывает с плеча моток веревки, дрожащими пальцами привязывает груз и бросает конец носильщику. Но веревка коротка: не хватает каких-нибудь двух-трех метров...

Грязь прибывает. Еще мгновение, и над поверхностью болота виднеется лишь бритая голова. Как ни странно, носильщик не кричит. Глаза его полны не ужасом, а тоской. Тоской по жизни, пусть это всего лишь жизнь нищего работяги на зараженной спорами планете. Кажется, в этом биолог прав...

Но мне нельзя размякать. Дело — прежде всего. Остальное — бред и чепуха!

Вот и все. Сельва проглотила человека, и гром не грянул, и мир не рухнул...

Арвин Най выплевывает окурок и встает.

— Пойдемте, — говорит он, вытаскивая из мешка надувной плот.

На сельву опускаются сумерки.

Келин Квинн

На сельву опускаются сумерки.

Арвин запалил костер. Привал. Наконец-то можно остановиться.

Меня опять знобит. Я так устала, что даже гибель человека меня почти не трогает. Нет, я, конечно, переживаю, но как-то не так, не по-настоящему.

Две недели блуждаем по сельве. Наверное, даже к этому можно привыкнуть. Если не хочешь сойти с ума, надо отупеть до такой степени, чтобы уже ничто тебя не волновало. Должно быть, именно поэтому на Ферре все чуточку ненормальные.

Как трудно порой разобраться в самой себе. Иногда мне кажется, что нет у меня людей ближе, чем Най, Пихра, Илм. Они такие разные, жестокие и добрые, внимательные и равнодушные... В их характерах перемешалось так много всего дурного и хорошего, что невероятно трудно выделить какое-нибудь одно, главное чувство, ведущее их по жизни.

Порой же я их всех ненавижу. Эгоисты, черствые существа.

Начинаешь разбираться в себе — и полный туман. Зачем живешь? Что заставляет тебя делать то, что человек просто не должен делать? Дни идут за днями, недели — за неделями, а ты словно прикован к креслу кинозала: смотришь и содрогаешься от увиденного, но разум твой ясен, и думаешь ты о своих повседневных делах, а не о страданиях киногероев.

Самое мерзкое — это то, что люди даже в сельве остаются врагами. В сельве, где единственная возможность выжить — стать союзниками, сжаться в единый кулак.

Мало увечий, наносимых джунглями, надо еще самим искалечить судьбы друг друга.

Хотя какое право я имею судить этих людей?..
Итак, привал. Можно отдохнуть.

Вако

Итак, привал. Можно отдохнуть.

Костер разгорается, и все усаживаются кружком. Пихра стягивает со спины баллоны с горючей смесью и ставит их подалеже от огня. Глаза у него желтые, как у кошки, и светятся в темноте. Боюсь я его, Пихру. Вроде здесь, в сельве, он не посмеет меня тронуть, а все равно боюсь.

Най подкидывает в костер хвороста. Огонь вскидывается желтыми снопами. Смотреть на него весело. Он какой-то живой, беспокойный, изменчивый. Могу часами сидеть у костра, и ничего мне не надо. Даже боль в затылке утихает. Забываю, что я — голь перекатная, что в поселке меня презирают...

Най протягивает мне флягу и закуривает папиросу.

Арвин хороший! Он никогда меня не обижает. В поселке иной раз монетку подкинет, поинтересуется, как жизнь. А сам — такой рыжий, яркий, как пламя костра. Только глаза поблескивают, как зеленое стекло.

Лен Брас тоже хороший, хотя он и не из наших. Дал мне целых десять золотых! Говорил: «Пойдешь со мной в экспедицию. Будешь мне помогать. Что скажу — делай без раздумий. Присматривай за остальными. заметишь что-нибудь необычное — сразу ко мне. Вернемся — получишь триста золотых».

Лен добрый! Триста монет!

С ветвей валяются клещи. Они ползают по телу и щекочут. Голову опять сдавливают тисками.

Это началось еще там, на Эсте.

Родителей своих я не помню. Да и были ли они у меня? Вечно голодный, грязный, оборванный. Выпросишь монетку или украдешь что-нибудь — на то и живешь.

Мальчонкой пошел на завод. Поставили меня на конвейер — механической отверткой затягивать болты на корпусах автомобилей. Работа адская. Даже сейчас вспомню — руки дрожать начинают. Чуть замешкаешься — уже новый корпус ползет, догонять надо. Крики, ругань, мастер с гибкой стальной линейкой... Смена кончится — только бы до кровати добраться. Идешь — шатаешься.

Года три я так проработал. А может, и все четыре, сейчас уже не помню. Пришел я однажды на смену, отвертку свою проклятую взял, только к линии стал — слышу: «Берегись!!!»

Что дальше было — не помню. Уже в больнице рассказали мне, что балка крепежная с потолка сорвалась и краем — мне по голове. Чудом жив остался, врачи все удивлялись, макушку мою щупали, а там — вмятина на три пальца глубиной.

Жив-то я остался, только уж лучше бы помер. Поза-

был половину, что-то в мозгах сдвинулось, и боль страшная...

Долго я в госпитале провалялся, а когда вышел оттуда, оказалось, что никому я не нужен. На завод обратно не взяли, говорят — здоровым мужикам работы не хватает.

Голодал я месяца три и думал, что уж совсем конец, как вдруг на рынке услышал, что людей набирают для работы на Ферре. Что такое Ферра, я не знал, но решил, что это уж никак не страшнее, чем голод.

Бросил я свои нехитрые пожитки — и на космодром. Там как раз транспорт с вербованными отходил. Сплошь горемыки — такие же, как я.

С тех пор головной болью и мучаюсь.

Костер затихает. Пора спать.

Лен Брас

Костер затихает. Пора спать.

Спать... Когда же я последний раз спал? По-настоящему, глубоко, со снами? Наверное, еще дома, на Эсте.

Нет. Никак не заснуть. Мучает один вопрос: «Кто?»

Инструктора еще там, в центре подготовки, предполагали, что в группе пойдет кто-нибудь чужой. Теперь и я чувствую, что рядом — враг. Но кто?

На привалах я незаметно осмотрел багаж и личные вещи членов экспедиции, но ничего подозрительного не обнаружил. И все равно чужой есть! Просто он очень осторожен.

Арвин Най? Крепкий, немного странный парень... Нет, не похож на подсадку. Хотя... Что я о нем знаю? Много лет на Ферре, поразительное чувство опасности, остатки благородства и доброты... Разве это мешает за хорошие деньги завести экспедицию в дебри, а самому раствориться в сельве? Обрато без проводника не выберешься.

Капрал Пихра? Туповат, зол и подозрителен. От такого можно всего ожидать. Но хитрости в нем — ни на грош. А главное оружие агента — именно хитрость. Правда, проскакивает в глазах капрала что-то такое, чему невозможно дать определение. Может, он вовсе не так прост, как хочет казаться, и в этом-то и заключается его хитрость?

Буфи Илм? Известный биолог, обеспеченный человек, наука для которого не средство существования, а работа для души. Задумчивый взгляд, очки в тонкой золотой оправе... На такого подозрение падает в последнюю очередь. Но, может, в этом-то и заключается коварный ход конкурентов?

Келин Квинн? Единственная женщина в группе. Красивая, не слишком умная, очень уставшая то ли от похода, то ли от жизни. Проверка не выявила ничего подозрительного, но... Только ли романтика позвала ее в джунгли?

Вако? С этим проще. За свои триста монет он согласится работать на кого угодно. Правда... За пятьсот он с удовольствием продаст того, кто дал ему триста.

Кто же еще? Носильщиков не осталось, так что...

Но кто-то же рылся в моих вещах! Кто-то искал карту

сельвы или другие документы, способные навести на Девео!

Кто же еще? Остался один я. Может, это действительно я? Надо заснуть, иначе так можно сойти с ума.

Буфи Илм

Надо заснуть, иначе так можно сойти с ума.

Капрал привалился к стволу дерева и храпит так, что ветки трясутся.

Счастличик!

Келин смотрит на малиновые угли, обняв колени руками. Она ничего не слышит, пребывая в каком-то своем, далеком от сельвы мире.

Небо — черное, без единой звездочки. Невидимые цветы распространяют приторный аромат. В листе мелькают зеленые огоньки. Клещи щелкают челюстями, пытаюсь прокусить плотную ткань комбинезона.

От костра распространяется волна теплого воздуха. Трава и одежда подсыхают, и недовольные пиявки, шурша, уползают в болото. Где-то кричит беспокойная ночная птица.

Брас и Вако о чем-то шепчутся, склонившись над раскрытым вещмешком. Вако, как всегда, гогочет, а Лен дергает его за рукав, чтобы не мешал спящим.

Странный он какой-то, этот Лен Брас. И, конечно, вовсе не ботаник. Путается в названиях цветов, зато прекрасно разбирается в химии и обладает организаторскими способностями, более подходящими деловому человеку, чем ученому. Достойный противник!

Что-то важное проходит мимо меня.

Все стараются делать вид, что у нас обычная исследовательская экспедиция, но в то же время каждый знает, что это не так. Для простой научной экспедиции у нас удивительно строгий маршрут. Брас постоянно сверяется со своей путевой запиской, не расставаясь с ней ни днем ни ночью. У него есть цель, и мы движемся к ней на пределе человеческих возможностей, почти без привалов, не говоря уж об останках для сбора образцов.

Каждый считает, что сосед ни о чем не догадывается. Например, я. Ученый тюфяк, мямля, разбирающийся только в лягушках и пиявках. А ведь я разбираюсь не только в биологии.

Наконец все засыпают. Даже Келин покидает свой далекий мир и роняет голову на колени.

Один Арвин бодрствует. Он сидит и курит, уставившись напряженным взглядом куда-то за круг света, в живую темноту сельвы. Я вообще никогда не видел его спящим.

Подхожу к нему и усаживаюсь рядом.

— Арвин, — говорю тихо. — У вас есть мать?

Най вздрагивает, словно его ударили хлыстом. Он пристально смотрит мне в глаза, а потом отвечает:

— Нет. Я сирота. Хотя... где-то на Эсте должна жить моя сестра.

— А почему бы вам не вернуться домой, не разыскать сестру?

Най усмехается и хлопает себя по груди:

— Легкие, — коротко бросает он. — Я ведь здесь уже десять лет. Да и жить на Эсте на что-то надо. В сельве на кусок хлеба всегда зарабатываешь.

Я согласно киваю, хотя знаю, что Арвин лжет.

Давно, когда на Ферре начали строить первые поселения и лагеря, напаломом выжгли почти две тысячи гектаров леса, а на следующий день в воздух поднялись облака желтой пыли. Люди вдыхали ее, и вроде бы ничего не происходило. Но когда несколько колонистов попытались вернуться домой, оказалось, что в их легких произошли необратимые изменения. Они уже не могли дышать воздухом, в котором не содержалось пыли. Два десятка посиневших от удушья трупов на космодроме Эсты доказали это с ужасающей наглядностью.

Тогда попытались закрывать поселения колпаками, как это делалось на спутнике Эсты — Велле, имеющей непригодную для дыхания атмосферу.

Ничего не вышло. Желтая пыльца таинственным образом появлялась под герметичным колпаком.

Ферра оказалась в изоляции. Тот, кто прожил в сельве больше года, уже никогда не мог вернуться на Эсту.

Но поток переселенцев, доведенных нуждой до отчаяния, не только не поредел, но даже возрос. Сельва всем давала кусок хлеба, и перед этим все ее ужасы оказались пустяками. Люди боялись нищеты больше, чем смерти.

Эту историю знают все. Но все же Арвин говорит не то, что думает.

— Вы привыкли к сельве? — спрашиваю я.

— Разве можно привыкнуть к ожиданию гибели? — вопросом на вопрос отвечает Най. Он как-то на глазах стареет. На лбу появляется сетка морщин. — Вы знаете, что значит каждую минуту ждать, когда на твоей шее захлестнется петля? Минуты растягиваются в часы, часы — в годы. Все проходит, а страх смерти остается. Больше того, он растет с каждым мгновением. Рано или поздно любое везение кончается, и чем больше тебе везет, тем меньше остается жить. Разве к такому привыкнешь? Можно устать от ожидания, но привыкнуть — никогда.

Арвин замолкает. Пытаюсь представить себя на его месте и чувствую, как по спине ползут мурашки. Пытка, затянувшаяся на десятилетие.

Откуда-то сверху, из непроглядного мрака листьев и ветвей, спускается глянцева петля лианы-удавки. Она начинает извиваться, нащупывая добычу. Тонкие усики-корешки сплетаются в сетку, мерцающую мертвым неоновым огнем.

Най глядит на удавку равнодушно, как на шкаф или стул в своей каморке, затем ленивым движением вытягивает тесак и разрубает растение пополам. Петля падает в угли и начинает глеть, распространяя зловоние.

— Впрочем, вам этого не понять, — продолжает свою мысль проводник. — Вы всего месяц на Ферре, ваши легкие

еще чисты, как у младенца. Они еще могут работать без пылицы. Вернетесь домой и думать забудете про сельву и людей, которые вынуждены в ней жить.

Над ухом пищит москит. Говорят, недавно появился новый вид, впрыскивающий яд в тело человека.

— Нет, Арвин. Думать о сельве я не перестану. Вы, конечно, правы. Я здесь чужак. Состоятельные родители, хорошее место в университете... У меня никогда не было каких-то особенных неприятностей, я никогда ни в чем не нуждался. Но сельва всегда занимала мои мысли. Как я упрашивал, чтобы меня взяли в экспедицию! Не знаю, поймете ли вы меня правильно, но у каждого есть свое, заветное, ради чего он и живет. Для одних это деньги, власть, положение в обществе. Для меня же это сельва.

— Это потому, что у вас есть все остальное, — усмехаясь, говорит Най.

— Возможно, — соглашаюсь я. — Вы можете ее ненавидеть, я же ее боготворю, потому что хочу понять! Иногда она представляется мне огромной дворнягой. Мы просто не научились ладить с ней, постоянно делаем ей больно, а она кусается. Но, как и все собаки, она совсем не стремится причинить вред человеку.

Арвин смотрит на меня, а в глазах у него жалость. Опять проступает сетка морщин у висков.

— Знаете, — нерешительно говорит он. — Мне кажется, что сельва вас не отпустит. Она не объект исследования. Сельва — гигантская мясорубка судьбы.

Я вздрагиваю. Неужели Арвин сумел так быстро раскусить меня?

Най смахивает с бороды летучую пиявку и, как-то беспомощно улыбаясь, говорит:

— Вы напоминаете мне ребенка, Буфи. Чистенького и ухоженного, но однажды вышедшего погулять и заблудившегося в вонючих трущобах. Во всяком случае, можете на меня рассчитывать. Я всегда любил детей.

Келин Квинн

— Я всегда любил детей, — слышу сквозь сон голос Арвина.

О чем это он? Сельва — и дети... Хотя Ная порой совершенно невозможно понять.

Дети... Горе это или счастье? Бывает, мне становится жалко, что у меня нет детей. Может быть, тогда жизнь приобрела бы какой-нибудь смысл? Тогда бы растворились в прошлом жирное чудовище Страд, пропавшие секретные документы, сельва, ее обитатели — жалкие и великие одновременно...

Вздыхает во сне Вако. Он приоткрывает глаза, и между набрякшими веками проскальзывают желтоватые молнии белков. Несчастный, всеми презираемый Вако.

Храпит во сне капрал, надвинув каску на длинный пря-

мой нос. Сейчас он похож на спящего после смены работягу. Руки с набухшими венами мелко подрагивают. Да и сама сельва ничем не напоминает страшилище с острыми клыками, паучьими лапами и шевелящимися лианами вместо волос.

Ночь полна очарования.

Вако опять вздыхает и скрипит зубами. Наверное, снится, что на голову ему опять падает тяжелая стальная балка. Вако смеется при виде чужих страданий, потому что в жизни у него было слишком много своих.

А вот Арвин ему завидует. Да, да! Железный Арвин завидует дураку Вако. Никто этого не замечает, кроме меня. Он завидует тому, что разум Вако не способен в должной мере воспринимать опасности! Вако не боится смерти, вернее, почти не думает о ней. Най же наполнен страхом, как сосуд водой.

Почему же никто, кроме меня, не замечает этого? Может быть, потому, что я единственная женщина в этой обреченной экспедиции?

Смертники... Костер в сельве. К нему жмутся грязные обрванные люди. Все они очень разные, и мечты у них разные, как потолки в наших домах. У одного мечта большая, у другого — крошечная, но не менее желанная. И каждый надеется, что исполнится именно его, и никто не догадывается, что совсем скоро осуществится намерение маленького жирного человека по имени Страд.

Пора.

Встаю, пересекаю круг оранжевого света и вхожу в заросль кустарника. Кажется, никто не проснулся.

В ветвях резко кричит невидимая птица.

Лен Брас

В ветвях резко кричит невидимая птица.

Открываю глаза и трясую головой, чтобы отогнать ночное видение.

Все-таки я заснул. Сказалась усталость, огромное нервное напряжение.

Станный мне приснился сон.

Окраина большого города. Пустырь, заваленный ржавыми банками и полиэтиленовыми пакетами. Ночь, но на горизонте еще сохраняется малиновая ниточка заката. На темном фоне неба угадываются бетонные обелиски небоскребов. Не светится ни одно окно. Все жители вываливают на улицу. Они стоят по колени в мусоре, раскрыв рты и задрав головы.

По небу огненными росчерками проносятся падающие звезды. Холодные, колючие, рождающие озноб.

Вот одна просвистела над головами и упала в грудку консервных банок.

Люди бросаются наперегонки, и через мгновение кто-то поднимает в вытянутой руке огромный сверкающий бриллиант.

Звездный дождь усиливается. То тут, то там на землю падают прекрасные голубые кристаллы. Вскоре каждый становится обладателем по крайней мере пяти-десяти камней.

И только у меня ничего нет.

Алмазный ливень закончился. Все смеются, указывая на меня, а я — большой, усатый, но в коротких детских штанишках и с бантиком в волосах стою и размазываю слезы по щекам.

Кто-то, сжалившись, кидает мне крошечный бриллиантик. Я подхватываю его на лету и крепко сжимаю в потном кулаке.

И вдруг на небо выплывает большое багровое солнце. Только что его не было, и вот оно в зените. Свет его заливает пустырь, и... кристаллы на глазах испаряются.

Люди кричат, рыдают. Еще бы — они лишились своего неожиданного богатства.

Я разжимаю руки и улыбаюсь: мой бриллиантик цел и весело подмигивает гранями.

А ведь это самое главное — быть маленьким, зато целым!

Чудной сон. Хотя... Все верно, все правильно.

В концерне кто-то придумал про меня глупую шутку, что, мол, если мне вручить чемодан казенных денег, приготовить самолет, документы, визу в государство, не выдающее преступников, то я поблагодарю за заботу и отнесу чемодан финансовому директору.

Каждый паршивый клерк считал своим долгом рассказать эту глупость своей подружке.

Хотя почему глупость? Сколько было таких, которые сломали себе шею в погоне за падающими звездами. Где их гигантские алмазы? Растаяли. А мой маленький бриллиантик жив!

Как же болит грудь! Будто раскаленная игла вонзается между ребер. Стихнет — и забываешь о ней, проснется — и страшно пошевелиться.

Кто-то дергает меня за штанину. Это Вако.

Преданное серенькое существо. За свои триста золотых с ножом на танк бросится. Как я к нему отношусь? Да никак. Служит, и достаточно. Главное в работнике — честность и добросовестность.

Лицо Вако вымазано сажей, волосы всклокочены, в них копошится целое стадо клещей. Он что-то шепчет, тыча пальцем в сторону зарослей колючки.

Неужели застучал?!

Стараясь не шуметь, вылезая из-под плащ-палатки. Оглядываюсь. Все спят, нет только Келин.

Невероятно! На нее и не подумаешь — такая тихоня, одинокая, беспомощная... Бедный наш мир! Куда мы катимся?

Прохожу между храпящим Пихрой и биологом. Даже Арвин и тот задремал, уронив голову на автомат.

За ночь возле костра выросла какая-то странная шевелящаяся трава. Пучки оканчиваются метелками, вращающимися

ся из стороны в сторону, будто локаторы. Раздумывать, опасна она или нет, некогда. Проскакиваю освещенный участок и ныряю в кусты. Шипы раздирают лицо, но я не обращаю внимания. Сзади бесшумно скользит Вако. Темень крошечная, только пиязки мерцают в траве размытым призрачным светом.

Наконец небольшая прогалина. У ствола поваленного дерева — женская фигурка. Мне не видно, что делает Келин, но догадаться совсем нетрудно. Скорее всего, в руках у нее маленькая коробочка с кнопкой и тонкой антенной-усиком — передатчик-маячок.

Те, кто задумал нашу экспедицию, еще там, на Эсте, дома, предполагали, что в ее состав может быть внедрен агент конкурирующей фирмы Страда.

Сначала я грешил на капрала, потом — на Арвина, носильщиков. Носильщики погибли, но чувство опасности не исчезло. Оказалось — Келин... Очень тонкий ход: женщина при всех равных условиях всегда внушает меньше подозрений.

Еще несколько дней, и всем нам была бы крышка!
Над головой привидением проносится белая летучая мышь.
Я невольно вздрагиваю.

Келин Квинн

Я невольно вздрагиваю.

Это всегда пугает, когда в темноте что-то движется быстро и бесшумно.

Нажимаю кнопку. Та, та, та-та-та. Маячок кажется мертвым, но я знаю, что антенна его посылает в ночную черноту короткие сигналы.

Та, та, та-та-та.

Каждое нажатие кнопки сокращает срок жизни Ная и капрала, Вако и Илма. Но самое удивительное, что меня это волнует меньше, чем можно было бы ожидать! Наверное, и жалость может устать, как устают руки от непосильной работы. А может, я постепенно превращаюсь в жестокое, не знающее пощады чудовище!

А ведь недавно все было иначе.

С чего же это началось? С документов? Нет, раньше. С того, что мне повезло и я нашла работу.

Как мне завидовали приятельницы! Еще бы: секретарша владельца известной в стране фармацевтической фирмы!

Господин Страд показался мне эксцентричным, но добродушным толстяком. Он всегда улыбался и шутил.

Итак — неплохо оплачиваемая работа, добряк хозяин... Кто бы мог подумать, что все так страшно кончится?

Я была на седьмом небе от счастья. Это нетрудно понять, если три года просидеть без работы на хлебе и воде. Бесконечные серые очереди за продуктовыми талонами, крохотные сырые клетушки, случайная черная работа...

Мои обязанности в фирме были несложными. Я даже удив-

лялась, за что же мне платят такие деньги. Правда, казалось странным одно: условием моего найма было проживание в стенах фирмы... Зачем? Почему? Господин Страд объяснил, что это вынужденная мера для предупреждения утечки промышленных секретов. С другой стороны, меня это вполне устраивало: миленькая бесплатная комнатка со всеми удобствами... В городе же меня никто не ждал. Родители умерли много лет назад, родственников не было, а человек, два года считавшийся моим мужем, устал от безденежья и хозяйственных хлопот, исчез из моей жизни так же стремительно, как и ворвался в нее. Любила ли я его? Наверное, нет. Я, конечно, плакала, но скорее потому, что так положено, чем от горя или отчаяния.

Словом, некоторое время все шло очень хорошо. Служба, уютная комнатка, книги, телевизор. Мне не было скучно. Наоборот. Устал от жизненных невзгод, я отдыхала за крепкими и надежными стенами фирмы. Конечно, я не собиралась оставаться там навечно. Накопить денег и начать новую жизнь — вот что было моей целью.

Но настал день, разрушивший мой маленький теплый мирок, бросивший меня в сельву, заставивший пойти против совести.

Я и не подозревала, что это конец.

Конец!

Вако

Конец!

Келин закончила передачу, но почему-то остается сидеть на поваленном дереве.

Вообще-то она ничего, красивая! Только я перед женщинами робею. Они будто из другого теста. При них я и двух слов связать не могу: заикаюсь, краснею, мычу. И они меня не любят. Нос воротят. Говорят, что дурак неотесанный. А чем я хуже того же Пихры?

А Келин красивая! Я бы ей, пожалуй, дал золотой, а может, и целых два из тех трехсот, что мне Брас обещал...

Нет, не дам! Зачем ей деньги? Ведь ей и так конец. Убийца на нас хотела навести! Плакало бы тогда мое золото. Хоть и красивая, а такая же, как девицы в кабаке Тонца: зазевалась — облапошат в момент!

— Вперед, — говорит Брас и толкает меня в спину.

Бросаюсь в кусты. Ветки трещат, но Келин как будто и не слышит ничего.

Подбегаю к ней и начинаю выкручивать ей руки. Какие они тонкие, словно и не человеческие вовсе...

Подходит Брас и включает фонарик.

— Как же так, Келин? — спрашивает он, выворачивая ее карманы. — По-моему, в ваши обязанности не входит ведение радиопередач. Или вам доплачивают, как радисту?

И что за дурацкая манера задавать вопросы, когда и так все ясно? Чего тянуть?

— Так что же вы молчите, милочка? Вам ведь есть что рассказать.

Келин не отвечает. В электрическом свете лицо ее словно присыпано мелом. Голова запрокинута, рот открыт. Глаза — дикие, как у кошки, которой подпалили шерсть...

С чего это я взял, что она красивая?

— Молчите? — говорит Брас и щелкает лезвием складного ножа. — По векселям надо платить. Даже если вы женщина.

Зрачки Келин превращаются в черные монеты. Она дергается и вдруг начинает кричать — тонко и жутко, как птица, укушенная говорящим скорпионом.

— Тихо! — шипит Брас и пытается заткнуть ей рот.

Поздно! Кусты раздвигаются, и на поляне появляются Илм и Арвин с фонарями в руках.

Келин уже не кричит, она мешком повисла в моих объятиях.

Брас вне себя от злости. Еще бы! Одно дело убрать человека по-тихому и все списать на сельву, другое дело — при свидетелях.

Илм смотрит на нас, выкатив глаза. Руки его разжимаются. Фонарь падает на землю.

Буфи Илм

Фонарь падает на землю.

Боже мой! Что эти негодяи делают с Келин?!

Бросаюсь вперед и бью Вако в его расплющенный нос. Он даже не покачнулся: рычит и наносит мне удар ногой. Падаю, но тут же поднимаюсь. Чьи-то цепкие руки хватают меня за локти и прижимают их к бокам.

Оборачиваюсь и вижу широкое лицо Браса. Ночь смазывает черты, но все равно чувствуется, что он зол и напряжен. Пытаюсь вырваться, но Лен намного сильнее меня.

А мерзавец Вако продолжает держать в объятиях бесчувственную Келин. Она в его руках, как крошечная лань в когтях тигра.

Что с ней хотели сделать? Ночью, в джунглях...

Арвин стоит и непонимающе крутит головой. Огонек его сигареты бросает рубиновые блики на скуластое бородатое лицо.

— Най! — кричу, стараясь вырваться из лап ботаника. — Помогите! Они же убьют ее!

Проводник еще несколько секунд стоит в нерешительности, затем медленно подходит к Вако и говорит тихо, но с угрозой:

— Отпусти. Слышишь?!

Вако рычит, но женщину не отпускает. Он смотрит на Браса, словно спрашивая, как ему поступить.

И вдруг я чувствую, что руки мои свободны.

— Брось ее, Вако! — приказывает Лен и устало опускается на траву.

Вако разжимает объятия, и Келин валится на землю. Белые волосы рассыпаются по плечам.

— Что здесь происходит, черт побери?! — кричу я, бросаюсь к лежащей женщине. — Что вы хотите от этой несчастной? Объясните наконец, Брас!

Ботаник рвется в кармане, вытаскивает из его глубин стеклянный цилиндр, вытряхивает на ладонь таблетку и, сморщившись, глотает ее.

— Если бы не мы, эта «несчастливая» женщина отправила бы всех нас на тот свет и глазом не моргнула, — говорит он, убирая таблетки обратно. — Она же подсадка!

В голове крутится разноцветный хоровод, будто мозги заменили опилками и они утратили способность соображать.

— Ничего не понимаю... Какая подсадка? При чем здесь Келин? — растерянно спрашиваю я. Прсыпаются смутные подозрения. Мне становится страшно, и я глушу их.

Брас молчит. Он о чем-то размышляет.

— Пойдемте к костру, — наконец говорит он и тяжело встает, прижимая руку к груди.

Вако ухмыляется и мгновенно исчезает в зарослях. Арвин курит как ни в чем не бывало. Он затягивается глубоко, с присвистом, и, как всегда, обводит джунгли подозрительным взглядом. Равнодушие его напускное. Проществие волнует его не меньше, чем всех остальных.

Беру Келин на руки и осторожно иду к лагерю. Она маленькая, трогательная, как спящий ребенок. Пряди белых, с золотым отливом волос цепляются за ветви и шипы. Глаза закрыты, поэтому лицо в темноте кажется сплошным размытым пятном.

Почему Брас назвал ее подсадкой? Да и что значит — подсадка? Что же ты сделала, Келин? В чем твоя вина? Жила ты на Эсте и, наверное, не подозревала, что существует страшная планета Ферра. Что забросило тебя сюда, что заставило погрузиться в мир сельвы, страшный не своей природой, а своими людьми?

Келин очнулась!

Она открывает глаза и удивленно смотрит мне в лицо. Наконец память возвращается к ней, и взгляд ее мутнеет. Исчезает чувство и мысль, остается одна пустота, бездонная, как космос. Или мне это чудится? Ночь всегда меняет смысл происходящего...

Что же со мной случилось?

Нет, я, конечно, вступился бы за любую женщину, будь она даже уродливой старухой. Но Келин... Келин — это другое. Почему мне радостно нести ее на руках, прижимать к груди?

Может быть, она мне просто нравится? Но мне нравились многие женщины. Ими я любовался, а Келин хочется защищать.

Неужели надо было попасть в сельву, чтобы испытать такое?

Кусты расступаются, и мы выбираемся к лагерю. Костер прогорел до углей. Голубая трава сплелась в живой шевелящийся ковер. Тонкие усики обвили сапоги храпящего капрала. Наверное, это не опасно, раз Арвин так спокоен.

Брас и Вако уже расположились на своих вещмешках. Ва-

ко доволен. Он грызет галету и прихлебывает кипяток из кружки. Брас раздражен. Он хмурится и мнет в руках противомоскитную сетку. Лоб прорезали тяжелые морщины, подчеркнутые красноватым отсветом углей.

Осторожно опускаю Келин на плащ-палатку. Она смотрит на меня, но, по-моему, не осознает, кто стоит перед ней.

— Итак, — говорит Брас, хлопая себя по коленям. — Вы хотели узнать, что здесь происходит? Ну что ж. Пожалуй, больше нет смысла скрывать.

Вако роется в карманах, достает кусок сахара и начинает с хрустом грызть.

Арвин Най

Вако роется в карманах, достает кусок сахара и начинает с хрустом грызть.

Подхожу к Пихре и с трудом расталкиваю его. Пусть тоже послушает, ему полезно. Охрана как-никак: должен же знать, кого и от чего охранять.

Капрал продирает глаза и задумчиво трет поясницу.

Буфи Илм на взводе. Ярость душит его. Справедливая ярость, как ему, наверное, кажется.

Ведный ребенок! Он продолжает жить по законам Эсты, хотя и на самой Эсте эти законы не соблюдаются.

— Так что же произошло? — прорывает наконец Илма. — В чем провинилась Келин?

— Провинилась? — хмыкает Брас.

Хитрец! Думает, назвался ботаником — и всех обвел вокруг пальца.

— Если это называется провинностью, то я тогда не представляю, что такое преступление.

Келин лежит на накидке и глядит в небо. На лице ее такое равнодушие, будто все происходящее ее совершенно не касается.

— Как вы думаете, что это такое? — ехидно спрашивает Брас. — Пудреница или губная помада?

Он разжимает руку и демонстрирует нам небольшую коробочку с длинным усиком-антенной.

С Пихры слетают остатки сна. Не веря, он внимательно рассматривает передатчик. Удостоверившись, что никто не пытается его надуть, он поворачивается к Келин и сверлит ее взглядом.

Я, конечно, тоже удивлен, но нельзя сказать, чтобы очень сильно. Чего-то подобного я ожидал с тех самых пор, как догадался об истинной цели экспедиции.

— Так что же это такое, благородный рыцарь? — ерничают Брас. — Не знаете! Еще бы! Откуда прославленному биологу знать, что эта маленькая, безобидная на вид коробочка — передатчик-маячок, при помощи которого очаровательная Келин намеревалась отправить на тот свет всю нашу дружную компанию.

У Илма такой ошарашенный вид, будто в супе ему попала летучая пиявка. Он смотрит на Келин, но та молчит, уставившись в пустое и черное небо.

— Как же можно навредить экспедиции при помощи передатчика? — наивно спрашивает Буфи.

— Просто. Чрезвычайно элементарно! Представьте себе: мы идем по сельве, на своей шкуре проверяя все ее ловушки и капканы. Мы прокладываем путь — тропу, более или менее безопасную для движения. И вот на хвосте экспедиции повисла другая, конкурирующая группа. Пеленгуя маячок, она идет по проторенной тропе. У наших преследователей нет карты, но с помощью Келин и ее верного передатчика мы сами, не подозревая об этом, ведем их, куда нужно. А там, на месте, — как в плохом детективе: внезапное нападение, изрешеченные трупы, о которых никто никогда не узнает... А то, что по праву должно достаться нам, попадет в руки конкурентов.

Илм трет лицо руками:

— Ничего не понимаю. Какие конкуренты, какая цель... У нас же обычный научно-исследовательский поиск...

Брас бросает в рот еще одну таблетку. Ему требуется время на размышление. Наконец он решается:

— Ну что ж. Мы забрались слишком далеко, чтобы что-то скрывать друг от друга. Видите ли, Буфи, экспедиция — всего лишь ширма для одного рискованного, но весьма доходного предприятия. Вы, наверное, уже догадались, что я не ботаник. Я сотрудник известного на Эсте концерна, имеющего свои интересы на Ферре.

Брас с хрустом разгрызает таблетку. Он ждет вопросов Илма, но биолог молчит, теребя завязку вещмешка.

Лен Брас тяжело вздыхает и спрашивает:

— Вы слышали что-нибудь о Дереве? О Дереве Жизни?

Илм утвердительно кивает.

Еще бы! Кто на Ферре не слышал об этом легендарном растении? Бродяги-охотники, всю свою короткую жизнь проводящие в сельве, рассказывают, что где-то в глубине лесов и болот у аборигенов есть храм, в котором растет странное дерево, приносящее бессмертие.

Никто никогда его не видел. Это тайна, которую аборигены не выдадут даже под пыткой. Можно только догадываться, как Дерево дарит бессмертие. Вся Ферра верит в существование Древа Жизни.

— Так вот, — гремит Брас, решительно разрубая воздух ладонью. — Промышленное производство нектара бессмертия сулит огромные прибыли. Кто же не заплатит деньги, чтобы жить вечно? Дерево — вот истинная цель нашего похода! Моя задача — найти его и тщательно исследовать.

— А карта? — подает голос Пихра. Чувствуется, что этот вопрос его очень волнует.

— Есть карта, — Брас хлопает себя по нагрудному карману.

— Откуда?

Лен разводит руками и улыбается. Секреты фирмы не выдаются.

— Зачем же вам понадобился я? — спрашивает Илм. Он

раздавлен. Наверное, в его понятии о порядочности не входит обман.

— Для конспирации, друг мой! — быстро отзывается ботаник. — Для конспирации. Конкуренты не дремлют, в чем вы смогли сегодня убедиться, и имя Буфи Илма широко известно в научных кругах. Это гарантия! Кому придет в голову, что ваша экспедиция отправится разыскивать Дерево?

Лен Брас тонко хихикает, и смех этот не вяжется с его крупной фигурой.

— Кроме меня, сотрудников концерна в экспедиции нет. Больше число агентов — большой риск. Повышается вероятность попасть под наблюдение и навести людей Страда на карту. Я один. Я единственный, кто знал о настоящей цели путешествия, хотя, полагаю, Арвин и Пихра со временем обо всем бы догадались.

Он, как всегда, прав, наш дорогой лжеботаник Брас. Конечно, я и капрал быстро сообразили, что к чему. Обмануть человека, почти всю жизнь прожившего среди лиан-удавок и говорящих скорпионов, трудно. Подозрительность впиталась в наше сознание, в каждую клетку мозга.

Неприятно чувствовать себя обманкой, маскировочной сеткой, под которой скрывается совсем не то, что должно. Буфи Илм уничтожен. Скомкан и выжат, как использованное полотенце. Он настолько жалок, что даже Брас чувствует что-то вроде вины перед ним.

Лен вздыхает и говорит:

— Мне очень неприятно, поверьте. Я ведь заплатил тоже немалую цену: лишился имени и даже своей внешности. Этого требовало дело...

— Если бы не пыльца и ее способность забивать двигатели, Дерево уже давно разыскали бы! — огрызается Брас. — Но эта мерзость не дает работать двигателям.

— Если бы не пыльца и ее способность забивать двигатели, Дерево уже давно разыскали бы! — огрызается Брас.

Деловой человек — всегда деловой человек. Даже на плахе, под топором палача...

— Конечно, если Дерево не сказка, — подпускаю я кипятку. Уж больно гадко смотреть, как делят шкуру неубитого медведя. Хотя мне ли об этом говорить...

— И все же, что нам делать с Келин? — возвращается к началу разговора Лен Брас. — Я говорю «нам», потому что дорога у нас одна.

— Пристрелить. Что же еще? — говорит Пихра, ковыряя спичкой в зубах.

Келин даже не вздрагивает, зато вскакивает Илм и орет на всю сельву:

— Вы что? С ума посходили?! Это же... убийство!

Ребенок... Ей-богу, ребенок! Неужели он не понимает, что Келин обречена? В каждой игре есть свои правила, и их обязаны соблюдать даже такие выброшенные из жизни люди, как мы.

— Послушайте, — начинает Лен Брас, не ожидавший такого развития дела. Еще бы! Он думал, достаточно сказать, что Келин — агент чужой команды, и Буфи первым полезет казнить ее. — Вы же понимаете, что...

— Ничего не хочу понимать! — кричит Илм. — Эта женщина будет жить! Я не позволю ее трогать! Лучше не подходите.

Биолог срывает с плеча автомат и, неумело передернув затвор, целится в капрала.

— Ого! — говорит удивленный Пихра.

Вако незаметно вытягивает из ножен тесак. Незаметно для Буфи, но я, конечно, сто раз успею пустить ему пулю в лоб, прежде чем он коснется биолога.

Илм — растрепанный и всклокоченный, как молодой петушок, демонстрирующий шпоры. Нравится мне этот очкарик. Не пойму, чем, но нравится. Может быть, тем, что он так не похож на меня? Но я ему не завидую. Любые ценности имеют ограниченное хождение. Ферра — не Эста. Здесь женщины отвечают за свои поступки так же, как любой мужчина, без скидки на слабый пол, нежную кожу и длинные ресницы.

— Погодите, — говорит Брас. Он очень устал и, видимо, чувствует, что суд над Келин может окончиться не так, как он предполагал. — Слишком много событий для одной ночи. Подождите утра, на свежую голову и решим.

Все потихоньку расползаются по своим местам. Илм пристраивается недалеко от Келин. Вако ползет к своему тюфяку, и я слышу, как Лен вполголоса роняет ему:

— Охранять!

Келин Квинн

— Охранять!

Господи, какая глупость! Куда я могу убежать, кругом мрак ночной сельвы. Да и не побегу я. Страд, Брас, Вако — каждый отломил по кусочку от моей веры. Один только Илм пытается защитить меня. Но что он может, мягкий, нерешительный человек. Меня не спасет, и сам погибнет.

Да и не достойна я помощи.

Почему я тогда не отказалась от предложения Страда? Хуже, чем сейчас, не было бы. Зато на меня не смотрели бы, как на убийцу.

В то памятное утро я пришла на свое рабочее место и еще у дверей почувствовала, что случилось что-то ужасное. Офицеры охраны в синих мундирах с пистолетами на боку толпились в коридоре и спорили о чем-то. При моем приближении они умолкали и смотрели на меня то ли с жалостью, то ли со злостью.

Войдя в кабинет господина Страда, я сразу увидела Вампира — начальника отдела безопасности, мрачного сторбленного старика с крючковатым носом и длинными седыми волосами. В фирме его боялись больше самого Страда.

Когда я вошла, Вампир на секунду обернулся, мельком взглянул на меня и припался отдавать распоряжения охране. Внезапно я почувствовала, что кто-то крепко взял меня за локти. Двое молодых людей, бегло обыскав меня, приказали следовать за ними. Последнее, что я увидела, выходя из кабинета, был мой личный сейф, над замком которого колдовал Вампир.

Меня отвели куда-то в подвал и заперли в сырой пустой комнате.

Сутки я пробыла словно в забытии. На мои крики и стук в дверь никто не отвечал. Лишь иногда в комнату заходил суровый молчаливый охранник, приносил пищу и воду и, лязгнув замком, удалялся.

Все время своего заключения я пыталась понять, чем вызвана немилость Вампира и господина Страда. Служебные провинности исключались. Во-первых, я не знала за собой вины, а во-вторых, за мелкие нарушения в фирме так сурово не наказывали.

Так и не придя к каким-либо выводам, я опустилась на бетонный пол и не заметила, как заснула.

Утром меня разбудил скрип двери. Молодые люди в штатском подняли меня и повели по темным запутанным коридорам.

Наконец мы очутились в служебном лифте. Табло отсутствовало, и мне не удалось определить, на какой же этаж привезла меня охрана.

Дверь лифта открылась, и я очутилась в небольшом коридоре, оканчивавшемся одной-единственной дверью.

Перед дверью на стуле сидел здоровенный детина с автоматом на коленях. Он хмыкнул, открыл дверь и пропустил меня, подтолкнув дулом автомата.

Я осмотрелась и вздрогнула. Потайная дверь привела меня в кабинет господина Страда. Сам хозяин сидел за огромным полированным столом и, улыбаясь, глядел на меня.

— Садитесь, милая, садитесь! — сказал Страд, указывая на мягкое кресло.

— Что произошло, господин Страд? — спросила я, чувствуя, как дрожит мой голос.

— Вы попали в скверную историю, Келин. Вампир... То есть я хотел сказать — начальник отдела безопасности получил какие-то сведения от своих агентов, проверил ваш сейф и не обнаружил там некоторых секретных документов, — лицо хозяина выражало безграничное сожаление. — Я попытался замаять эту историю, но было уже поздно. Старик составил протокол и дал ему ход...

Сердце мое учащенно забилось.

— Господин Страд! Это неправда! Документы были на месте. Недавно я сама просматривала их, сверяла с формуляром.

Страд потер лысину, поправил очки и сказал:

— Не знаю, не знаю... Документы и фотографии доказывают обратное.

Он открыл ящик стола, достал оттуда пачку бумаг и бросил их на стол.

Я не верила своим глазам. В официальных донесениях службы безопасности назывались фамилии агентов конкурирующего концерна, номера документов, которые я им продала, и даже сумма денег, которую я за это получила... На фотографиях я пожимала руки незнакомым мужчинам, передавала им пакеты с грифом «Секретно».

— Это какая-то ошибка, — плакала я. — Ничего этого не было. Меня хотят опорочить в ваших глазах... Что же теперь будет?

— Боюсь, вам не миновать солидного срока заключения. Закон предусматривает строгое наказание за промышленный шпионаж. Впрочем, я могу вам помочь...

Только значительно позже я поняла, что вся история с пропажей документов была разыграна по сценарию самого Страда.

Я оказалась у него в руках. Ему нужен был агент, не засвеченный конкурентами, и я подходила на эту роль больше, чем кто-либо.

Однажды мне показали газету, на последней страничке которой было опубликовано крохотное извещение о моей гибели в автомобильной катастрофе...

Прочитав эту заметку, я поняла, что обратной дороги для меня больше нет. Для всего мира меня не существует.

И вот — задание на Ферре. Последнее, как сказал Страд.

Возможность получить свободу опьянила меня. Все виделось в розовом свете. Даже смерть, которую несла я и мой передатчик-маячок.

Опытные инструкторы, бесконечные занятия, пробы на вживание в конкурирующую группу...

Как меня внедряли в состав экспедиции — разговор особый. В памяти остался только серый нерастворимый осадок лжи, шантажа, фальшивых улыбок.

И вот конец. Совсем не такой, какой снился Страду и Вампиру.

Какой смысл бороться, когда мне уже никогда не вырваться из сельвы? И то, что Страд обещал мне свободу, — конечно, тоже обман.

Предел есть всему, даже желанию жить. Нет его только у усталости.

Ну что ж. Охраняй меня, Вако. Охраняй!

Рассвет. Все важные решения принимаются на рассвете.

Буфи Илм

Рассвет. Все важные решения принимаются на рассвете. Надо что-то делать, иначе эти люди убьют Келин, а затем и меня.

Небо розовеет. Это какой-то странный неровный цвет, будто в ложку сливок капнули крови.

Джунгли просыпаются, ветерок тянет клочья тумана. Желтая пыльца поднимается с земли. Деревья стряхивают бисер росы и шевелят листвой. Клубки лиан начинают двигаться

в поисках пищи. Из нор вылезают продрогшие скорпионы. «Здравствуйте, здравствуйте», — шипят они, поводя тяжелыми клешнями. Комар — громадный, не меньше голубя или куропадки, с жужжанием садится на ветку, пускает корешки и на глазах превращается в алый цветок. Через секунду у цветка отрастают ножки, и он проворно скрывается в листе.

Все-таки сельва удивительна. Это чудесный, сказочный мир, в котором до прихода человека царила гармония. Люди пытаются превратить его в помойку, а он сопротивляется. И тем страшнее страдания, которыми мы обязаны самим себе.

Голубая трава и красавица Келин с пустыми глазами... Это опаснее любого монстра, родившегося в глубине трясины.

Чем же я могу помочь Келин? Я такой же маленький и чужой здесь, как и она. Ясно одно: надо выбираться, идти, куда угодно, только не оставаться здесь.

Тихо, чтобы никто не услышал, подползаю к Наю и дотрагиваюсь до его плеча. Арвин вздрагивает и резко поворачивается.

— Тихо, — шепчу я.

Проводник понимает меня с полуслова. Он оглядывает поляну и склоняется ко мне.

— Арвин, вы должны помочь нам уйти.

Он смотрит на меня, в глазах его непонимание.

— Куда уйти? Кругом сельва, до поселка — не одна неделя пути. Вы не пройдете и двух километров.

— Не важно, — отвечаю, прислоняясь спиной к стволу дерева. — Не важно. Остаться здесь — тоже верная гибель. Пусть сельва. Это все-таки стихия, но люди... способные казнить женщину...

Глаза Арвина мерцают в темноте — частице ночи, сохранившейся в густых ветвях дерева.

— Буфи, — говорит он, и в голосе его мне чудится неподдельное участие. — Не дурите. Келин уже не спасти, но вы еще можете вернуться домой.

— Арвин, — говорю я и чувствую, как дрожит мой голос. — Помните, вы сказали, что я могу положиться на вас? Теперь настал этот момент. Все, что я прошу, — это помочь нам уйти.

Най молчит. О чем он думает? О том, что в глазах Браса и Пихры станет предателем, если поможет нам бежать? А может, он совсем не такой, каким мне казался? Что, если он сейчас встанет и поднимет тревогу?..

— Не знаю, почему, но вы мне нравитесь, Буфи, — говорит проводник, и я чувствую, как щеки мои заливают краской стыда.

Как я мог о нем так плохо подумать?

Арвин откладывает автомат, бесшумно сползает на землю и вытаскивает из кармана тонкий плетеный шнурок. Еще секунда, и он растворяется в зарослях голубой травы.

Я смотрю, как зачарованный. Просто удивительно, как человек может двигаться так незаметно.

Проходит несколько долгих, как часы, минут. Сердце гулко стучит, будто хочет разбудить спящих. Мне начинает ка-

заться, что все сорвалось, сейчас вскочит разъяренный Вако с тесаком в руке и...

Но вот — тонкий свист, и я на четвереньках ползу к Келин.

Арвин держит Вако за руки, тот дергается, пытается кричать, но шнурок стягивает его шею, не давая возможности поднять тревогу. Только бы Най его не задушил.

Келин поднимает голову и непонимающе смотрит на происходящее. Зажимаю ей рот рукой и шепчу на ухо:

— Спокойно, Келин. Сейчас мы уходим. Шансов выбраться у нас невероятно мало, но если мы останемся здесь, их не будет вообще.

Из глаз Келин уходит пустота. В них просыпается чувство. Какое? Я еще не могу понять. Но уже хорошо, что оно появилось.

Стараясь не шуметь, собираю вещмешок, кидаю в него несколько банок консервов, флягу с водой. Что еще?.. Оружие? Нет, никчемный груз. Я не Арвин, и если сельва возьмется за нас всерьез, то автомат не поможет.

Келин стоит на опушке и ждет меня.

Най держит Вако и с грустью говорит:

— Знаете, Буфи, я хотел бы быть таким, как вы.

Я понимаю, что он хочет сказать что-то очень для него важное, но смысл слов ускользает от меня. Надо сказать ему напоследок...

— Арвин. Тогда ты сказал, что сельва — гигантская мясорубка судеб. Нет. Сельва — это свалка. А мясорубка — на Эсте.

Входим в джунгли.

Солнце встает над верхушками деревьев.

Вако

Солнце встает над верхушками деревьев.

Арвин сдергивает шнурок и отпускает мои руки. На коже теперь наверняка останется красная полоса.

— Тихо, — говорит Най и протягивает мне сигарету.

Закуриваю и согласно киваю.

Вскоре просыпаются Брас и Пихра. Капрал разглаживает свой потрепанный комбинезон и, не умываясь, приступает к завтраку. Брас массирует грудь и с задумчивым выражением лица бредет ко мне.

Сейчас начнется!..

Брас подходит, зевает и непонимающе смотрит на место, где недавно лежала Келин. Затем он обводит взглядом поляну и мгновенно замечает отсутствие Илма.

— Где они? — шипит он, хватая меня за отворот куртки.

Я указываю на джунгли.

— Мерзавец, — рычит Брас. Чувствуется, что ему хочется меня ударить, но он не решается. Ситуация вышла из-под его контроля. Он просто не знает, кому теперь можно доверять.

Не спеша подходит Най.

— Оставь его, — говорит он. — Вако здесь не виноват. — Это ты их отпустил? — спрашивает Брас.

Арвин молчит и отворачивается. Пихра отрывается от консервированного мяса и, узнав в чем дело, кричит:

— Ну и черт с ними. Все равно им конец.

Капрал прав. Куда можно уйти в сельве, да еще без оружия?

Хотя Илм мне нравился. Он напоминал мне одного сумасшедшего торговца жареными каштанами. Я был тогда мальчишкой. Подойдешь к решетке и смотришь голодными глазами, а торговец улыбнется и отвалит тебе горсть горячих каштанов. Без денег! Грузовик его потом сбил...

— Ладно, — говорит Брас с облегчением. Наверное, ему и самому не улыбалось пачкать руки в крови. — Остались настоящие мужчины! Деловые люди.

Арвин ухмыляется, как будто услышал самую большую глупость на свете.

— Надо решать, что делать с преследователями, — продолжает Брас.

— Организовать засаду и уничтожить, — рывкает капрал. — Не вести же их к Дереву!

Пихра на глазах подтягивается, словно очутился на параде отборных войск. Дичь почуял, старый пес.

Стрелять я тоже люблю. Стрелять весело! Правда, в людей никогда не приходилось...

— Ну что ж. Разумно, — соглашается Брас. — Берите Вако, Пихра, и приступайте к делу.

«Берите Вако!» Будто я вещь. Полкило сыра на прилавке в трактире! Обидно, клянусь летучей пиявкой.

Капрал берется за дело. На меня сыплются приказы и подзатыльники. Рублю деревья, натягиваю какие-то веревки, рою ямы, развешиваю сети.

Брас сидит на мешке, уставившись в тетрадку и шевеля губами. Арвин перенес вещи в кусты и теперь несет караул. Раза два он палит в болото, отгоняя чудовищ, похожих на обожравшихся крыс.

Глаза Пихры горят и того и гляди выскочат из орбит. Все эти вояки — с приветом. Дай только покомандовать, горло подраб. Охрана экспедиции как-никак! Любому поиску, уходящему в сельву, придается солдат с огнеметом. Жалованье, конечно, за счет организаторов экспедиции. Неплохое жалованье, между прочим...

Но все это пустяки по сравнению с моим золотом. Триста монет! Да на эти деньги можно весь кабак Тонца купить! Десять музыкальных автоматов расколошматить!

Только бы Брас не передумал из-за того, что я проворонил Келин и Илма...

Наконец все готово.

Рубаха у меня совсем мокрая. Тело искусано, расцарапано.

Засада вышла какой-то странной: поляна обтянута маскировочной сеткой, деревья вдоль единственной тропинки подрублены так, что держатся на честном слове. В ямах разме-

щаемся мы с Арвином. Пихра и ботаник скрываются в ветвях деревьев.

Текут часы ожидания.

Солнце пошло на закат,

Келин Квинн

Солнце пошло на закат.

Целый день мы пробираемся через бесконечные болота, густые сырые джунгли.

Ни я, ни Буфи не представляем, в какой стороне находится поселок. Никому не приходило в голову замечать направление движения, и теперь даже солнце не может служить ориентиром.

Джунгли редеют, и перед нами открывается широкая величественная река. Мутные воды текут лениво и задумчиво, лишь иногда сплетаясь в водовороты, из которых торчат черные ветви затянутых деревьев.

— Буфи, — говорю я, стараясь не показать своего отчаяния. — Такой большой реки на нашем пути не было. Похоже, мы идем не в сторону поселка...

Илм устало опускается на ствол поваленного дерева.

— Какая разница, в какую сторону нам теперь идти, — отвечает он, протирая стекла очков. — К поселку мы можем выбраться только случайно. Я отдавал себе в этом отчет, когда предложил вам бежать. Главное, мы вырвались из рук Браса.

Как это ни странно — мне не страшно. Наоборот, впервые за много лет я испытываю чувство облегчения и свободы.

— Конечно, — пытаюсь подбодрить Буфи. — Мы ведь можем встретить охотника или лесорубов. Да... мало ли что может произойти в сельве!

— Да-да! — подхватывает Илм. — Ведь есть же такая хорошая штука — везение.

К нам снова приходит хорошее настроение. Странно... Мы, взрослые люди, в глубине души уверенные, что никаких счастливых случайностей не существует, старательно обманываем себя и друг друга, и испытываем от этого радость.

— Ну что ж! — решительно говорит Буфи. — Попробуем построить плот и переправиться через реку.

Я смотрю на него — маленького, тщедушного, неуклюжего, и чувствую, как во мне поднимается теплое чувство к этому человеку. Конечно, он не сможет построить плот, но говорить ему об этом не хочется.

Илм бодрым шагом подходит к воде и крутит головой в поисках подходящих бревен.

Гляжу на его ноги и чувствую, как улыбка сползает с моего лица.

Бурая, в серых разводах прибрежная галька начинает шевелиться! Камни поднимаются и замирают в положениях, исключающих всякое понятие о равновесии. Они словно растут, раздуваются,

Еще мгновение, и их оболочки лопаются. Из трещин выползают тонкие оранжевые нити с зелеными коготками на концах. Они тянутся к ногам Илма, а тот ничего не замечает, погружившись в планы строительства плота.

— Буфи! — кричу, указывая на опасность.

Биолог, словно очнувшись, несколько секунд глядит себе под ноги, а затем высоко подпрыгивает, бежит от воды. Оранжевые щупальца, лишившись добычи, обиженно извиваются.

Илм, запыхавшись, приваливается к стволу дерева и глупокомысленно изрекает:

— Никогда не надо забывать о коварстве сельвы!

Я понимаю, что ситуация совсем не подходящая, но ничего не могу с собой поделать и начинаю смеяться. Буфи непонимающе смотрит на свои разодранные сапоги и вдруг тоже заливается мальчишеским смехом.

Мы поднимаем свои вещмешки и идем вдоль реки. Теперь мне почему-то кажется, что еще придут дни, полные радости и света.

Они придут, не могут не прийти.

Капрал Пихра

Они придут, не могут не прийти.

Преследователи не бросят просто так свою добычу.

В ветвях удобно, но сыро. Маленькие жучки точат кору. В ушах стоит хруст, будто тысяча сладкожек дорвалась до запасов вафель. Тоненькие салатовые змейки скользят по лианам, посматривая на меня рубиновыми бусинами глаз. Двухголовый тарантул поймал гигантскую саранчу. Поднимается суматоха. Головы не поделили добычу, и одна из них пытается укусить другую. Ну прямо, как мы...

Серая тень проносится над поляной и скрывается в листве. Успеваю заметить лишь загнутые желтые когти и длинный чешуйчатый хвост.

Ничего, скоро все это кончится. Дерево даст мне бессмертие. Восстанут мои легкие, им уже не будет страшен чистый воздух Эсты. И я вернусь домой, к Марции, к детям. Как они там без меня?

Моя Марция — красавица. Черные глаза, статная, румяная... Как она обрадуется, когда я вернусь к ней. А мои малыши... Курчавые сорванцы! Они ведь меня очень любят. С какой гордостью они говорили приятелям: «Наш папа — капрал!» Я и сам был уверен, что делаю нужное дело. Молодой был. Дурак! А потом командир роты лейтенант-инструктор Торро научил меня уму-разуму. Хорошая наука. Я — здесь, а Торро — дома. Наверное, уже майор.

Заросли у тропинки вздрагивают. Нет, это не зверь. Я видел блеск металла. Сельва удивительна, но даже она не может сделать животное из железа.

С дерева хорошо видно, как напрягается фигура Ная. Он, конечно, тоже заметил подозрительный блеск. Вако жует су-

карь и глядит совсем в другую сторону. Ему все нипочем. Счастливики!

Наконец кусты раздвигаются, и из них высовывается голова в каске. Каска обтянута сеткой, из которой торчат стебли папоротника.

Голова остается довольна осмотром поляны. Она на мгновение исчезает, но вскоре появляется опять, уже вместе с туловищем здорового громалы в маскировочном комбинезоне. Крепкий парень! С таким один на один лучше не встречаться.

Детина проходит к кострищу и ковыряет золу сапогом. Углей нет, не на дураков напал.

Интересно, сколько ему платит господин Страд?

Постояв с минуту, он оборачивается и негромко свистит. Из зарослей вылезает еще трое. Молодцы — один к одному! Не хотел бы я попасть к таким в лапы. По виду — то ли гангстеры, то ли из военных. Нет, скорее профессиональные убийцы. Лица до глаз заросли щетиной, на поясах — тесаки и гранаты, за плечами — автоматические винтовки. А вот у одного... Да, это серьезно. Огнемет! Надеюсь, Най догадается, с кого начать.

Надо немного выждать. Вдруг в кустах остался кто-нибудь еще?

Нет, кажется, все!

Преследователи собираются в кружок и что-то негромко обсуждают.

Пора! Лучшего момента не будет.

Подношу руку ко рту и ухаю на манер феррианской совы. Верзила в комбинезоне поднимает голову, и в тот же момент раздается выстрел. Парень с огнеметом валится навзничь. На его груди расплывается красное пятно.

Молодец, Арвин!

Брас бьет длинными очередями. Вако и Най стреляют прицельно. Падает в траву еще один. Двое оставшихся бросаются к кустам, но всюду натываются на сетку.

Мышеловка! Так и было задумано.

Верзила первым соображает, что попал в ловушку. Отстреливаясь и петляя на манер зайца, он бежал к тропе. Пули шлепают по земле, вырывая длинные лоскуты дерна. Второй, обезумев от страха, начинает распарывать сеть тесаком. Пунктир автоматной очереди приближается к нему и наконец пересекает его тело. Тесак выпадает из рук, парень раскачивается, повиснув в сетях вниз головой.

Господи, упокой его душу!..

А верзила ловко уворачивается от пуль. Профессионал! Настоящий мастер спиной чувствует, когда надо отпрыгнуть, когда пригнуться.

Еще секунда, и он уйдет. Медлить нельзя. Ничего не поделаешь.

Целью и нажимаю кнопку огнемета.

Деревья у тропинки вспыхивают, как сухая солома, и падают, превращая дорожку в чадящий завал. Поляна объята пламенем. Оранжевые языки взмываются в небо, зажигая нависающие ветви деревьев.

И все же верзила уходит. Его черная фигура в комбинезоне с горящим рукавом исчезает в болотах...

Сверху падает пылающий сук. Вздвигается столб искр. Становится жарко. Пора уходить.

Арвин Най

Становится жарко. Пора уходить.

Джунгли пылают. В любой момент может начаться реакция. Под ложечкой опять оживает тонкий холодок страха. Словно на качелях, когда падаешь и чувствуешь, как сердце начинает парить в невесомости.

Капрал и Брас спрыгивают с деревьев. Там еще жарче, и лица их — цвета вареного мяса. Комбинезоны — хоть выжимай. У Пихры тлеет рукав, но он этого не замечает. Лен весь трясется.

Взваливаем на плечи вещмешки и спешим к воде.

— Стоп! — кричит Брас. — А где Вако?

Действительно, где Вако?

Скидываю мешок и бросаюсь назад, в беснующиеся оранжевые волны. Поляна залита огнем, будто в костер опрокинули ведро бензина. Копоть забивает легкие. Лианы скручиваются змеями и выстреливают фонтанчиками горящего эфира.

Кружится голова. Плевать!.. Огонь — это привычно. Он одинаков, что на Эсте, что здесь. Чего его бояться?

Вот и яма — черная ножевая рана на теле сельвы. Грязь бурлит и курится дымками. Циявки пузырятся, превращаясь в каких-то рогатых броненосцев. Разбираться некогда.

Вако...

Вако лежит, откинувшись на бруствер, как на спинку кресла. Глаза открыты и смотрят куда-то вверх. Никогда не замечал, что они голубые... А на лбу — крохотное алое пятнышко.

И кто сказал, что пуля обезображивает человека? Иногда она возвращает ему потерянный облик. Пуля мудра, палец, нажимающий на курок, — глуп! Смерть разом смахнула с лица Вако все приметы слабоумия. Человек, как человек — опустошенный, как и все в нашем мире. Даже что-то мальчишеское проступает под жесткой щетиной.

Да, в сущности, он мальчишка и есть... Был...

Счастливчик Вако. Твой путь среди капканов закончился, а мне еще идти и идти.

Ты не боялся смерти. Наверное, и не подозревал, что смертен. И в этом была твоя сила. Ты не ждал гибели каждую секунду, именно поэтому твоя пуля оказалась шальной.

Огонь дышит в лицо. Поворачиваюсь и бегу обратно.

— Ну что? — спрашивает Брас.

Дотрагиваюсь указательным пальцем до его лба. К чему слова? И так кругом одни пустые фразы.

— Прими, сельва, душу его... — бормочет капрал, закатывая глаза. Гипноз смерти действует и на него.

Брас открывает рот, чтобы сказать что-нибудь, приличествующее моменту, но потом машет рукой и только плотнее натягивает противомоскитную сетку. Он тоже взволнован, и в этом проглядывается настоящее человеческое чувство, а не сожаление, что потерял надежный помощник.

Однако пора идти. Битва у безымянного болота закончилась полной победой искателей бессмертия. Гремите, трубы, бей, заслуженный полковой барабан! Вдолби в головы похитителям чужой жизни, что расправиться с кучкой наемных убийц куда проще, чем перехитрить сельву и самого себя.

Болото, заросшее исполинским папоротником, постепенно переходит в мелководное озеро. Трясины исчезают, зато приходится по грудь брести в теплой бурой воде. Мангры на корнях-ходулях сростаются в фантастический лабиринт. Парит. Тучи мошкары гудят над головами, сумрак, пропитанный запахом прели, настолько сер и безнадежен, что становится страшно.

Поверхность озера рябит от всплесков. Крохотные рыбки с выпученными глазами выпрыгивают из воды, распускают радужные крылья-плавники и, сорвав с ветки лист или ягоду, падают обратно. Капрал подхватывает одну из них на лету и тут же получает чувствительный электрический удар.

Сумрак сгущается. Кроны мангров сплетаются так плотно, что даже безжалостное тропическое солнце не может пробить их зеленый заслон.

— Стоп! — слышу вдруг я собственный голос. Со мной это часто бывает. Мысли витают черт-те где, а инстинкт самосохранения локатором прощупывает закоулки джунглей.

Возле черной замшелой коряги из воды выглядывает огромный желтый глаз. Он, как перископ подводной лодки, неподвижен, Брас и Пихра, раскрыв рты, уставились на глазилгигант. Они, конечно, понятия не имеют, кому он принадлежит. Но я-то знаю, что под корягой притаился квирил — феррианская жаба, для которой заглотить остатки нашей экспедиции все равно что чихнуть. Приходилось встречаться...

Вскидываю автомат и от бедра даю короткую очередь. Рев потрясает мангры, вода взлетает фонтаном. Впечатление такое, будто в озеро выпустили разъяренного кашалота.

Брас окаменел. Еще бы! Представление — первый сорт! Специально для деловых людей.

Квирил всплывает вверх брюхом. Шесть лягушачих лап и прожорливая пасть размером с кузов самосвала. Вид жутковатый, но тревожит не это. Квириллы появились давно, это не новое детище сельвы. Реакция запаздывает.

Выбираемся к берегу. Деревья расступаются.

«Подгоревший блин»!

До горизонта простирается угрюмая бурая равнина. Земля сухая и растрескавшаяся. Травы нет и в помине, лишь кое-где торчат обуглившиеся стволы деревьев. Меж кочек стелются ленты тугого серо-желтого дыма. Солнце печет вовсю, над равниной повисло белесое марево.

Да, это — «подгоревший блин». Так охотники называют

торфяник, в недрах которого бушует пожар. Тонкая корочка земли едва прикрывает ямы, провалы, пузыри.

— Прекрасно! — ни с того ни с сего заявляет Брас.

— Что прекрасного вы нашли в «подгоревшем блине»? — с раздражением спрашивает Пихра. Он устал и поэтому зол.

— Мы не сбились с маршрута! — Брас сияет, рассматривая карту. Капрал пытается заглянуть в нее, но Лен проворно складывает лист и сует его в нагрудный карман. Пихра сплевывает и отходит в сторону.

— Что мы не сбились — это, конечно, хорошо, — замечаю я. — Но «подгоревший блин» — штука опасная. На торфяники даже зверье не забредает.

Брас растерян.

— Может... обойти?

С сомнением качаю головой:

— Обычно подземные пожары тянутся полосами на сотни километров. Это месяцы пути.

— Надо пробиваться, — бурчит Пихра, разгоняя ладонью облачко пыли, собравшееся над его головой.

Что мне сказать этим людям? Что переход через «блин» — почти верная смерть? Что кружной путь тоже гибель? Что Дерево помutilo наш разум, а обратной дороги нет?

Разве что-нибудь изменится, если я скажу все это?

— Пойдем в связке, — говорю я и достаю из мешка бухту капронового шнура. — Я — первый, Брас — замыкающий. Капрал — посередине. Советую выкинуть лишнее из рюкзаков.

На землю летят банки консервированного мяса, пачки га-лет, кружки, котелки. Слово из цилиндра фокусника появляется колонна странствующих муравьев и, развернув боевые порядки, набрасывается на неожиданную добычу. Челюсти крошат металл, будто это бумага или картон.

Возникает небольшая перепалка. Брас категорически отказывается выбросить пакеты с аппаратурой для анализа нектара бессмертия.

— Пеняй на себя! — кричит Пихра. — Сорвешься — вытаскивать не буду!

Закуриваем на дорожку. Руки трясутся. Брас глотает таблетки; тоже, видно, нервишки шалят.

— Все! — бросаю окурочек и втаптываю его каблук в землю. — Тронулись.

Зеленый ковер обрывается, будто его обрезали бритвой. Наступаю на спекшуюся землю, и она рассыпается в прах. Осторожно, простукивая дорогу длинным шестом, веду связку к ближайшей кочке. Кочки — это островки безопасности. Это единственное место, где можно передохнуть и успокоиться.

Как щемит сердце! Кажется, его медленно зажимают в тиски. Оно трепещет — часто и мелко, как ночная бабочка, залетевшая в абажур.

Солнце палит нещадно. Пот застилает глаза. Нервы натянуты, как струна. Еще чуть-чуть — и лопнут.

Вступаем в полосу дыма. Серо-желтые ленты змеями опле-

тают тело, забираются в легкие. Пихра заходится в кашле. Он сплевывает сгустки крови, но приступ не прекращается.

И так — от кочки до кочки. Короткая передышка — и бесконечное ожидание, что вот-вот земля разверзнется под ногами. Щуп сотни раз уходит в пустоту. Приходится петлять. На полпути наст проваливается, и мы чудом успеваем выпрыгнуть из пылающей ямы.

До опушки леса остается всего несколько метров. Задул ветер. Пыль скручивается в тонкие дрожащие смерчи. Небо темнеет. Верхушки деревьев пригибаются к земле, роняя листья и тяжелые, налитые соком плоды.

Наверное, я на секунду ослабляю внимание. Так бывает, когда до конца опасного участка остается совсем немного. Напряжение спадает, и инстинкт самосохранения перестает срабатывать.

Так или иначе, я допускаю ошибку: не проверив путь, веду связку на какой-то подозрительно ровный участок.

Тонкая торфяная корка подламывается сразу, без предупреждающего треска. Я просто обнаруживаю, что подо мной пустота. Лечу в нее и чувствую, как волосы встают дыбом.

Спасает меня шест. Он ложится на края ямы, и я повисаю на нем, как гимнаст на трапеции. Пальцы впиваются в дерево. На секунду оборачиваюсь и вижу, как под капралом расходится земля. Еще мгновение, и он тоже полетит в провал. Брас, свалившись мне на голову, довершит дело...

Мозг молниеносно находит верное решение: повисаю на одной руке, а другой выхватываю тесак и перерубаю шнур.

Мне еще рано умирать! А за тех, кому не повезло... Я все равно не смогу им помочь.

Вовремя! Едва лезвие пересекает прочную нить, остатки наста проваливаются, и Брас с Пихрой падают в яму. Треск, грохот, жуткий крик где-то там, внизу...

Меня прошибает холодный пот. Конец!

Сбрасываю вещмешок и некоторое время вишу, собираясь с силами. Потом подтягиваюсь и медленно выползаю из западни. Тело тяжелое, как пушечное ядро. Пытаюсь подняться, но ноги не слушаются. На четвереньках добираюсь до провала, догадываясь, что увижу внизу.

Заглядываю в яму и не могу сдержать возгласа изумления: метрах в трех от края, вцепившись в уступ стены, висит капрал, а ниже раскачивается на шнуре Лен Брас. Уступ осыпается, и скоро они свалятся в пылающий торф.

— Эй! — кричу, свесив голову с обрыва. Пихра поворачивается и смотрит на меня. Брас, похоже, без сознания: он болтается, как заяц в силке. Ничего удивительного. Удушливый желтый дым, клубясь, поднимается вверх. Где-то в глубине мерцают пурпурные пятна углей.

Снимаю с себя остатки шнура, делаю петлю и набрасываю ее на плечи капралу.

— Давай! — кричит тот.

Тяну изо всех сил, но все впустую.

— Пихра! — ору в клубы дыма. — Руби связку! Двоих мне не вытащить.

Снизу доносится кашель и хриплый голос:

— Тащи обоих! Браса я не оставляю!

— Ты что, рехнулся?! — Я не верю с им ушам. — Погибнете вместе!

Молчание.

Чудеса!.. Пихра спасает жизнь какого-то Браса. Никогда бы не поверил. Кто угодно, но только не и.п.д. ли! Хотя... Не от сладкой же жизни он угодил в сельву? Может быть, в каком-то уголке его огрубевшей души сохранилось сострадание, привязанность, жалость? Они дремали до поры до времени и вот проснулись. Сельва как-то незаметно меняет нас. Можно было ожидать, что появится злость, а рождается добро...

Не знаю, как долго я тащил эту проклятую веревку. Бросить капрала и Браса я уже не мог. Не имел права, если хотел остаться человеком.

Наконец над краем ямы появляется синее лицо Пихры. Губы почернели. Они судорожно хватают воздух. За Пихрой показывается Брас. Как он не задохнулся от дыма, болтаясь над огнедышащей пропастью?

Мы валимся на землю, и тут вздувшееся фиолетовое небо разражается тропическим ливнем. Исломаные столбы молний уходят в джунгли. Под тяжестью воды прогибается и рушится тонкая корка «блина». Огонь вступает в борьбу с влагой. Небо застилает тугой черный дым.

Грохот и ослепительные вспышки.

Лен Брас

Грохот и ослепительные вспышки.

Словно из морской пучины, выныриваю из забвения. Легкие забиты булавками, виски сдавлены раскаленными клещами. Тяжелые холодные капли бьют по лицу. Стараюсь поймать их губами, но не могу.

Была яма, огонь, дым. Куда все это исчезло? Да и было ли это? Побывать в аду и вернуться?

Кто это рядом? Най. Пихра. А это? Сельва... Все еще сельва.

Меня поднимают, куда-то несут. Вещмешок оттягивает плечи. Да снимите же его! Ноги. Почему они не слушаются?

Листья бьют наотмашь, шипы впиваются в лицо. Кровь течет, а боли нет.

Как сыро, холодно. Меня трясет. Наверное, внутри у меня моторчик. Най, скажи, что у меня в груди?

А кто такой я?

Я — это человек без лица и имени. Я отдал их сам, добровольно. Ради чего? Ради того, чтобы чувствовать себя человеком, чтобы не унижаться перед теми, кого презираю.

Путь вверх. Труден этот путь, труднее всех дорог сельвы. «Учись, сынок, — говорил отец. — Сожми зубы и учись. Труд безземельного крестьянина — это рабство». И я учился. Грузил ночью вагоны, учился днем.

Нет, иллюзий не было. Я быстро понял, что путь вверх —

то же рабство: чтобы подняться на ступеньку, надо скинуть свое достоинство в пролет.

Судьба не дала мне покровителей, талантов, денег. Она в избытке наделила меня лишь одним — упрямством и желанием подняться над своей средой.

Так я и взбирался. Как калека по пожарной лестнице.

Там, где другие летели, я полз. И мудрость посетила меня. «Служи — и обгонишь тех, кто обогнал тебя, — сказала она. — Будь псом и получишь кость».

И я служил. Где другие крали, я был честен. Когда друзья предавали друзей, я хранил верность.

Самую грязную работу поручают тем, кому доверяют. Чем больше верности, тем больше доверия. Чем больше доверия, тем грязнее работа.

«Ты пойдешь в сельву».

«Да, шеф!»

«Ты найдешь Дерево Жизни».

«Да, шеф!».

«Ты уничтожишь всех, кто встанет на твоём пути. Ты возьми себе другое имя».

«Да, да!»

«Тебе сделают пластическую операцию».

«Да».

Боже!

Какая боль в груди...

Арвин Най

Какая боль в груди...

Я задремал, и какой-то жучок, прорезав ткань комбинезона, впился мне в тело. Отдираю насекомое и забрасываю его далеко в кусты.

Рассвет сер и размыт. Так бывает только после многочасового тропического ливня. Тишина такая, будто в уши тебе затолкали по рулону ваты. Только капли — тук, тук, тук — прыгают с листа на листок. Верхушки деревьев тонут в тумане, прижимающем мир к земле.

В такое утро хочется быть счастливым, таким же мягким и спокойным, как этот идущий ниоткуда свет.

Поднимаюсь с мешка и передергиваю плечами. Прохладно. Пихра спит, разметавшись, уткнув лицо в складки плаща. Ни дать ни взять — работага-лесоруб, застигнутый в лесу непогодой.

С удивлением замечаю, что не испытываю к капралу неприязни. Наоборот, видится мне в нем что-то знакомое, доброе...

Брас тоже спит. Кулаки прижаты к груди, тело выгнулось. Натерпелся вчера, бедняга. Столько пережить, и все ради чего?

Нет, пожалуй, он не спит... Тело не поднимается в такт дыханию.

Мертв! Рука его холодна, как камень.

Сердечный приступ.

Неужели те, кто послал его, не знали, что у него большое сердце? Знали! Конечно, знали. Хотя кого сейчас интересует Брас? Он все глотал, глотал свои таблетки стараясь оттянуть неизбежное выполняя приказ тех, кто за глаза называл его чсом.

На плечо мне ложится тяжелая рука капрала. Со сна он не может понять, что произошло, и таращит мутные глаза на скрюченное холодное тело Лена Браса.

— Он умер, — говорю тихо.

Капрал вздрагивает.

— Что за странные люди мы с тобой, Арвин, — говорит он каким-то хриплым, чужим голосом. — Вынесли, наверное, больше, чем кто-либо, а сердечный приступ нас не взял... Может, джунгли ставят над нами опыт? Может, они хотят вернуть нам те душевные качества, которые мы с тобой почти потеряли?

Наверное, Пихра прав. Заколдованный круг. Сельва не хочет убивать нас. Она играет, развлекается, давая нам возможность самим отыскать свою судьбу в ее трясинах.

Нагибаюсь и вытаскиваю из кармана Браса сложенный вчетверо лист карты.

— Ему она больше не понадобится, — говорю я и чувствую, как в голосе появляется оттенок неуверенности и вины. — А Дерево, быть может, вернет двум отверженным радость жизни.

Капрал понимающе хлопает меня по плечу.

Заворачиваем тело Браса в плащ.

Похороны устраиваем по обычаю феррианских лесорубов. Капрал ловит первую попавшуюся лиану-удавку и прижимает ее к земле. Пропускаем в петли плаща тонкие, но прочные воздушные корешки. Лиана натягивается и медленно ползет вверх, поднимая брезентовый сверток к вершинам деревьев. В нужный момент подрубаю стебель. Растение дергается и замирает.

Все!

Теперь до человека без имени и лица не доберутся обитатели джунглей. Он будет долго раскачиваться над поляной, где остановилось его сердце.

Гляжу на страшный маятник.

К горлу подкатывает тугой комок.

Капрал Пихра

К горлу подкатывает тугой комок.

Надо держать себя в руках. Горько. Не знаю уж как, но я успел сродниться с этими людьми. Раньше внимания не обратил бы, а теперь...

Пора идти. Проклятая огненная яма проглотила все наши вещи и оружие. Пропал мой верный огнемет. Пришлось бросить, иначе сам бы остался в горящем торфе.

На двоих — один автомат Браса. Два тесака, вещешок...

Развязываю тесемки. Сверху идут пласты грязного белья. А вот галеты! Это хорошо! Три банки мясных консервов. Прекрасно! Пробирки, колбочки, какой-то хитрый аппарат... Это Брасу надо было для исследования Дерева Жизни. Нам с Арвином пробирки не понадобятся. По глотку бессмертия — и начнется новая жизнь!

Ну вот, кажется, и все. На минуту снимаем шлемы, а затем, не оглядываясь, идем в сельву.

Входим в лес и тут же попадаем в облако мошкары. Она настолько мелка, что умудряется пролезть сквозь ячейки москитной сетки. Дорога тяжелая: ноги поминутно вязнут в грязи. Спина Ная — в темных пятнах пота. Он дышит со свистом, прорубая коридор в переплетенных колючих зарослях. Из листы выползают крошечные салатные змейки и, стрельнув взглядом, бесшумно исчезают. Скорпионы бормочут о чайных розах.

— Капрал, — раздается голос Ная. — Ты никогда не рассказывал, как попал в сельву.

Я не отвечаю. О таких вещах не принято болтать. Хотя почему бы и нет? Мы же теперь вроде как братья. Одной веревочкой связаны. Да и вернется ли кто из нас в поселок?

Как же это произошло? Подробностей теперь и не припомнишь. Жизнь моя текла спокойно и ровно, и так же незаметно я оказался на самом дне.

Меня вполне удовлетворяла гарнизонная служба на одной из военных баз в предместье столицы. Была, конечно, и стрельба, и марш-броски, и муштра до тумана в глазах. Эста — местечко тоже не из спокойных, но пока за это платили, я был доволен. Намыкавшись с новобранцами, я возвращался домой, где меня встречали Марция и двое курчавых ребятишек, похожих на меня, как две капли воды.

Я был счастлив.

В один из дождливых осенних вечеров меня вызвал командир нашей роты лейтенант-инструктор Торро. Он был раздражительным и грубым, но, когда хотел, мог очень ловко прикинуться добряком.

— Пихра, — сказал он, постукивая золотой зажигалкой по поверхности крашеного деревянного стола. — Я уже давно присматриваюсь к вам и с удовлетворением могу отметить, что вы дельный, толковый парень.

Я, кажется, покраснел от удовольствия.

Черт побери, каким же болваном я был!

— Так вот. Мне очень обидно за вас. Такой способный человек и так мало зарабатывает. Это просто несправедливо. На днях я увидел ваших ребятишек, и — не обижайтесь, пожалуйста, — мне показалось, что они одеты хуже своих сверстников. Правда, может быть, мне это просто показалось?..

Я опять покраснел, на сей раз от стыда. Лейтенант был

хитер. Он знал, в какое место надо бить Пихру, чтобы тот сломался.

Удовлетворившись моим подавленным видом, Торро заметил:

— Хочу предложить вам небольшое дело, в котором не потребуется помощник. Он у меня был, но... теперя место вакантно.

Я быстро сообразил, что речь идет о Тройо — молодом франтоватом капрале-приемщике оружейного склада, найденном несколькими днями раньше на одной из пустынных улиц столицы с пулей в голове.

А дельце действительно оказалось простым и прибыльным. Я просто создавал на складе излишки неучтенного оружия, манипулируя ведомостями и накладными. Автоматы, патроны, гранаты и даже небольшие безоткатные орудия — все шло в дело. В определенные дни к складам подъезжал армейский грузовик с номером, замазанным грязью, я отгружал товар, и машина уходила. Куда поступало оружие, Торро не объяснял, но несложно было догадаться, что получателями его являются гангстеры, преступные синдикаты, многочисленные военизированные группировки, ратовавшие за «твердую руку» в управлении государством.

Со временем я узнал, что помощников вроде меня у Торро было великое множество. И не только на нашей базе. Предприимчивый лейтенант-инструктор собирал дань и с торговцев наркотиками, промышлявших в солдатских бараках, и с сержантов-ростовщиков, державших в зависимости половину личного состава.

Помощникам, естественно, перепали крохи. Основные барыши шли Торро и тем, кто за ним стоял. А за ним определенно кто-то стоял, и не предпринятое развалилось бы в первую неделю своего существования.

Нелегальный промысел давал неплохой доход, и сопляк Тройо попросил прибавки. Он ее получил в виде разрывной пули. У меня же хватило ума ограничиться своей долей.

Стыдно ли мне было? Сначала — да. Но скоро стыд как-то потускнел, размылся. Иногда я будто просыпался и вспоминал, что делаю что-то не очень хорошее, однако мысли, что я — преступник, не возникало.

Жизнь моя быстро свернула в новое русло. Я даже начал находить в ней удовольствие. Еще бы: я мог позволить себе многое из того, о чем раньше не осмеливался и мечтать.

Нет, я продолжал любить Марцию и детей, но даже им не смел рассказать, откуда у нас появились новые красивые вещи, дорогие продукты... Наверное, только перед ними я действительно чувствовал стыд.

Скоро Марция начала догадываться, что наше благосостояние добыто преступным путем. Я врал, она замыкалась... Так могло продолжаться очень долго, если бы не желание одного политического деятеля сделать себе карьеру.

Случайность или закономерность?

Случайность или закономерность?

Мы идем по сельве и до сих пор еще живы. Болота сменились невысокими лесистыми холмами. Собственно, это уже и не сельва в ее традиционном понимании. Все меньше и меньше попадаетея трансформирующихся животных и растений. Реже встречаются говорящие скорпионы, почти исчезли лианы-удавки.

Случайность или закономерность?

В последнее время меня все больше мучает этот вопрос. Кто или что помогло нам выбраться из бездонных трясин, предотвратило нападение хищников? Неужели это просто случайность? Тогда было бы очень обидно. И все же мне кажется, что сельва сложнее и... лучше, чем представляется на первый взгляд.

Однако куда же мы идем? Вернее — куда придем? И есть ли цель и конец у нашего пути? Не можем же мы блуждать вечно!

Келин сильно устала, но старается не показать этого. Как преобразилась она, оказавшись вне досягаемости для Страда и Браса. Спасибо Арвину! Без его помощи мы не смогли бы уйти из западни. Однако Келин все равно не верит в благополучный исход побега.

А сам-то я верю в счастливый конец нашей истории? Наверное, да. Не смогу объяснить, почему. Что-то поддерживает меня в этом убеждении. Может, я просто оптимист по складу характера и хочу во всем видеть только счастливый конец? Как в сказках... Недаром Най назвал меня ребенком.

Деревья расступаются, и мы оказываемся на огромной светлой поляне. Никогда не думал, что в сельве существуют такие большие открытые пространства.

— Как красиво! — говорит Келин, дотрагиваясь до моей руки.

Густая, в пояс трава кланяется на ветру. Россыпи мелких голубых цветков туманом укутывают стебли и колосья. Крохотные малиновые птички порхают над зелеными волнами, сходясь на мошек и комаров.

— Действительно чудесно, — соглашаюсь я.

И тут я обращаю внимание на приглушенное жужжание, доносящееся откуда-то с вершин деревьев. Задираю голову и вижу, как темное облако опускается на поляну.

По спине бегут мурашки. Это не облако. Это рой диких пчел — огромных, лохматых, грозных. Янтарные, с черной полосой спинки, прозрачные радужные крылья, острые граненые жала...

Келин кричит и пытается бежать, но пчелы пригоняют ее обратно и начинают прижимать нас к земле. Падаем в траву. Жужжание перерастает в гул.

Неужели конец? Так глупо...

В это время стена травы раздвигается и на поляну выходит человек.

Старик.

Капрал Пихра

Старик.

Воспоминания обладают способностью старить человека. Счастлив тот, кто лишен памяти.

Прихожу в себя на огромной светлой поляне с раскидистым деревом посредине. Славная картинка: шелковая трава, голубое небо. Прекрасный островок в гниющих болотах.

Но Наю что-то не нравится. Его волчий нюх не позволяет идти дальше. Достая карту и пытаюсь сориентировать ее по солнцу. Все верно: вот она, граница трясин, вот дерево...

Что же тревожит Арвина?

— Послушай, — говорю я и выхожу немного вперед. — Здесь же ничего нет. Твердая земля, простреливаемое пространство.

— Не знаю... Вроде бы все как надо, и в то же время что-то не так. То ли слишком много желтой пылицы, то ли какое-то подозрительное дрожание в ветвях дерева... Психую я что-то в последнее время. Все жду реакции сельвы на пожар. А она запаздывает. Очень заметно запаздывает.

ТЬфу! Меня начинает злить его подозрительность. Интуиция — это хорошо, но нельзя без конца оправдывать его, свой страх!

— Най! Так мы никогда не доберемся до Дерева Жизни. Джунгли полны капканов, и если мы будем обходить каждое место, где твой внутренний голос начнет поднимать панику, то просто подохнем от голода.

Арвин молчит и о чем-то размышляет. Разум подсказывает ему одно, чутье — другое. Я понимаю, что это трудный выбор, и, чтобы не мешать, отхожу в сторону.

— Пошли, — наконец говорит Най.

Трава рассыпается под нашими сапогами.

Удивительное место! Даже солнце здесь какое-то другое. Лучи его по-весеннему чисты и ласковы. Пыльца купается в них, собираясь в невесомые желтые кружева.

Одинокое дерево ничем не отличается от своих лесных собратьев. Может быть, оно только сильнее, раскидистее. Это роλλη — феррианский тополь. Древесина его идет на изготовление дорогой бархатно-серой мебели. Ствол этого гиганта мог бы озолотить какого-нибудь лесоруба. Конечно, если бы тот сумел дотащить его до поселка.

Все спокойно. Крошечные яркие птички беззаботно порхают. Уж если и они не чувствуют опасности, то чего же тогда боится Арвин?

— Что это? — говорит он, вдруг останавливаясь.

Мы всего в нескольких метрах от ролля. Обыкновенное дерево, только земля под ним утыкана длинными красными иглами.

Задираем головы и различаем в тугом переплетении ветвей огромные метелки игл.

— Иглы на ролле?.. — спрашиваю я, недоумевая.

Най не отвечает. Он, как зачарованный, глядит на красные глянецевые плоды. На первый взгляд, они висят неподвижно.

но, но, приглядевшись, можно заметить, что иглы вибрируют, а плодоножки двигаются в каком-то необычном ритме.

Наконец дерево вздрагивает, и тысячи игл со свистом летят во все стороны.

— Ложись! — кричит Най и падает в траву.

Бросаюсь на землю и, как на учениях, разворачиваюсь к роллю ногами.

Наверное, это меня и спасает.

Поляну затягивает облаком зеленого тумана. Над ухом визжат тополиные стрелы. Оборачиваюсь и вижу, что игл вокруг намного прибавилось. Одна из них торчит в бокую Най. Арвин сжал зубы, пытаюсь подавить крик боли. Ползу к нему, натываясь коленями на колючки.

— Быстрее! Тащи!.. — мычит Най и, как лошадь, укушенная слепнем, мотает головой.

Ствол ролля опять гудит и вибрирует.

Хватаю Арвина за воротник комбинезона и, упираясь в землю каблуками, волоку его к границе джунглей.

Только бы успеть! Кровь колотится в висках.

Зачем мне все это? Один бы я давно убежал из опасной зоны, но я все тащу и тащу тяжелое, как камень, тело Най. Раньше я бы и не подумал рискнуть жизнью за кого-либо. Что же произошло?

Ролль раскидывает свои семена, когда мы всего в нескольких метрах от леса. Иголочки уже не могут долететь до нас. Вот она — реакция сельвы. Арвин, как всегда, прав. Ферра не забывает причиненной ей боли. Сельва просто поменяла безобидные тополиные «вертолетики» на иглы, но сколько горя она принесла этой заменой. Представляю, как выглядят сейчас лесоразработки...

Арвин начинает кричать — тонко, по-звериному.

Выхватываю тесак и двумя движениями распарываю комбинезон. Игла — хрупкая, как стекло, — ломается в руках. Наконец выдергиваю ее, и из раны бежит струя черной крови.

Бинт! Нужен бинт!..

Зубами отрываю от рубашки узкую длинную ленту. Накладываю повязку и даю Арвину глоток воды из фляги.

— Сигарету! — хрипит он.

— Давно кончились, — отвечаю я и чувствую, что сейчас поменял бы жизнь на щепотку табака.

Две букашки с обломанными крыльями.

Арвин Най

Две букашки с обломанными крыльями.

Что есть наше существование? Бесконечная вереница предательств? А может, все не так мрачно? Вытащил же меня Пихра из-под ролля, хотя никакой выгоды для себя от этого получить не может. Сельва, вернее, трудности, которые мы сами создаем себе в ее дебрях, перевоспитывают нас, пытаются

ся переделать наше сознание. Враги незаметно становятся друзьями — разве за одно это не стоит блуждать по влажным, жарким, бесконечным лесам?

Как жжет между ребер... Проклятая игла! Она выпустила яд в мою кровь. Глаза слипаются, будто к векам подвесили гири. Вязкая и черная пустота.

Апатия. Противно представить, что надо вставать и идти куда-то, когда не видишь в этом ни малейшего смысла.

Со мной такое уже было — в пересылочном изоляторе полицейского управления.

Студенты — народ веселый! Студенческие годы, как правило, тоже самые радостные годы в жизни человека. Сила, оптимизм, энтузиазм. А какие грандиозные планы!.. На их выполнение не хватило бы и десяти жизней. Молодой ум не может не искать выходов из тупиков. Там, где старость смиряется, молодость воюет. Глупо, взбалмошно, не с тем и не так, но воюет!

Мои же студенческие годы закончились катастрофой, ломкой всех грандиозных планов.

Конечно, не всем удастся найти денег на оплату учебы в университете. В этом смысле мне повезло. Мой дед — легендарный охотник за голубыми тушканчиками на крошечной планете — спутнике Велле, сумел сколотить небольшой капитал, который и завещал мне для оплаты моего образования. Я видел его фотографию: сильный старик. От него мне перешли не только деньги, но и огненные рыжие волосы, и глаза цвета зеленого бутылочного стекла...

Итак, студенческие годы. В те далекие времена одни знания меня не удовлетворяли. Я был молод, полон энергии и желания делать что-нибудь важное, бороться с несправедливостью. И вот я попал в студенческую группу, пытающуюся противостоять реакционной реформе университета. Цель была благородной, но теперь, с вершины лет, я ясно вижу, что, не попади я в нашу группу, меня бы без труда зацепила любая другая организация вплоть до страшной «воензированной молодежи» или «Борцов за твердый кулак». У меня не было своих убеждений, да и откуда им было взяться, когда с детства телевидение накачивает тебя дикой смесью из рекламы и боевиков?

Я был, как любили тогда выражаться, примкнувшим. Может быть, со временем из меня и вышел бы хороший боец, но этому не суждено было случиться.

Университет гудел, как развороченный улей. Старейшее учебное заведение страны находилось в состоянии неустойчивого равновесия. Демонстрации, митинги, стычки с «воензированной молодежью» и затынутыми в защитные комбинезоны борцами за твердый кулак, которые, естественно, приветствовали реформу университета.

Во время одной из демонстраций провокатор бросил бутылку с зажигательной смесью в полицейский бронетранспортер. Это послужило сигналом для избияния демонстрантов. До

сих пор я не могу без ужаса вспоминать события того вечера. Свист дубинок и стальных прутьев, газовые бомбы, выстрелы, озверевшие лица и пустые глаза молодчиков из «вонизированной молодежи»...

Очнулся я в полицейском участке, весь в крови, со сломанной рукой.

Меня приволокли в комнату допросов, где за дубовым столом улыбался толстый добродушный полицейский с нашивками капитана:

— Проходите, садитесь, не стесняйтесь, — сказал он, протягивая мне сигареты. — Только предупреждаю: если вы решите меня убить, не планируйте воспользоваться стулом. Он крепко привинчен к полу!

Полицейский захохотал, очень довольный своей шуткой. С трудом вернувшись к серьезному настроению, он приказал принести мои вещи.

К моему глубочайшему удивлению, из кармана моего пальто проворные руки сержанта вытащили... бутылку с зажигательной смесью.

— Не очень-то хорошо жечь бронетранспортеры, — заметил капитан.

— Вы ее подложили! — крикнул я.

— Конечно, — сразу согласился толстяк полицейский. — Только, кроме вас и меня, никто об этом не знает. Однако, бутылка может исчезнуть, если вы согласитесь дать небольшую информацию по вашему движению. В этом случае сержант ничего не видел.

Сержант в подтверждение этих слов надвинул на глаза фуражку и захрапел.

Предательство — самый тяжкий грех. Я считал так тогда, считая так и теперь. Поэтому я здесь — в сельве...

Прошли годы. Из памяти исчезли даты, имена, а страх остался.

Скорее бы конец.

Капрал Пихра

Скорее бы конец.

Третий день бредем через джунгли, ориентируясь по редким солнечным лучам, пробивающимся сквозь сросшиеся кроны деревьев.

Най опирается на суковатую палку как на костыль. Рана воспалилась, и правая нога почти не сгибается. Его трясет лихорадка, но он по-прежнему зорек и подозрителен. Только благодаря ему нам вовремя удалось избежать встречи с двумя монстрами, рыскавшими по джунглям в поисках поживы.

Арвин все чаще падает, и мне приходится поддерживать его. Еще день-два, и он не сможет идти.

Меня тоже пошатывает от голода. Галеты кончились, а съедобных плодов почему-то не попадается.

Как же я оказался здесь? Отчего обрек себя на страдания? Есть ли смысл во всем происходящем? Да и что, соб-

ственно, происходит с миром и со мной, как его крохотной частичкой? Кто сможет ответить на эти вопросы? Арвин? Нет. Если бы он мог это сделать, то не полз бы сейчас рядом.

Сельва?.. Она, конечно, знает. Ведь это она — машина перерождения и замаливания грехов. И только каждому из нас известно, как велики эти грехи.

Почему я не отрубил руку, бравшую деньги лейтенанта-инструктора Торро?!

В тот злосчастный вечер я, как обычно, торчал в гарнизонном кабаке. Настроение было паршивым, и я пытался улучшить его при помощи джина с тоником.

Часа через полтора пришел Торро. Он плюхнулся возле меня и, обхватив голову, что-то промычал.

— Что? — переспросил я.

— Конец. Крышка! — крикнул лейтенант, уставившись на меня мутными красными глазами. Он залпом осушил стакан воды и взволнованно зашептал: — Ты слышал о том молодом генерале, который пообещал президенту, что очистит ряды армии от взяточников и расхитителей? Он, конечно, больше политик, чем военный. Тем оно и страшнее! Так вот: он добрался и до нашей базы!

— Ну и что! — ухмыльнулся я, не осознавая непоправимости случившегося. — Пусть докажет, если сможет. Ни один террорист не даст против нас показаний.

— Если прижмут, даст, — Торро посмотрел на меня, как на дремучую деревенщину. — И потом... копать ведь начнут! Могут вылезти делишки и посерьезнее торговли оружием...

Улыбка мигом слетела с моего лица.

— Что ты мелешь! Какие делишки? Я ничего не знаю!

— Правильно, ты ничего не знаешь. Но тебе расскажут об этом потом, когда будут зачитывать приговор!

Наверное, в тот момент я впервые понял, в какую трясиину попал.

— И что же теперь делать? — я старался говорить спокойно, но голос предательски дрожал.

— Пихра, — отеческим тоном начал лейтенант-инструктор. — Чтобы расследование заглохло, надо ему кого-то подсунуть. Нужно, чтобы кто-то взял вину на себя. Хотя бы часть вины, чтобы на поверхность не выплыла ее другая, бо́льшая часть.

— Но кого?

— Тебя. Пойми, другого выхода нет. Дело ограничится переводом на Ферру, в экспедиционный корпус. И все будут довольны! Думаешь, этому генералу-политику понадобилась справедливость? Как бы не так! Он борется за удобное кресло и только! А тебя не забудут. Процент на твой счет в банке будет идти аккуратно. Да и на Ферре будешь жить не хуже, чем на курорте. А вернешься домой...

Дослушать я не успел, потому что Торро не успел договорить. Моя рука вдруг поднялась над стойкой и опустилась на голову лейтенанта-инструктора. Тот мешком свалился на пол и остался лежать среди окурков и бумажек от жевательной резинки.

Словно из-под земли вырос военный патруль, и скоро я валялся на столе, связанный по рукам и ногам.

Разбирательство тянулось долго. Торро, как и следовало ожидать, от всего отвертелся. Покровители не дали его в обиду, а может, испугались за свое благополучие. Негодяй Торро определенно был «талантливым человеком».

Не могу сказать, что ход разбирательства меня не интересовал. Конечно, хотелось отделаться полегче, но по-настоящему меня волновало только одно: как все случившееся отразится на детях, жене, наших отношениях.

Все закончилось, как и предвидел Торро. Все грехи списали на меня, генерал-правдолюбец занял вожделенный пост и успокоился. Постепенно дело заглохло, и я был переведен в феррианский экспедиционный корпус. Даже без понижения в звании...

— Пихра, — раздался глухой, словно вырвавшийся из могилы голос Най. — Мы сбились с пути.

Достаю карту и пытаюсь определить, куда мы попали. Огромный лесной массив расплзся на бумаге уродливой кляксой, красный пунктир маршрута рассек его пополам. И никаких ориентиров, кроме ненадежных солнечных лучей.

Арвин тяжело опускается на кочку. Глаза его блестят. Вдруг, взмахнув рукой, Най на лету ловит стрекозу и подносит ее к лицу. Он долго рассматривает насекомое, затем разжимает кулак. Стрекоза некоторое время вхолостую вращает радужными крыльями, потом, справившись с испугом, срывается и уносится в небо.

— Надо идти, — говорю скорее себе, чем Арвину. — Необходимо выбраться из топей. Здесь мы умрем от голода.

Най кивает и делает попытку подняться, но ноги не слушаются. Поддерживаю его за локоть, давая возможность опереться на костыль. На измученном лице Арвина появляется улыбка. Давно я не видел его улыбающимся.

Не знаю, почему, вдруг ощущаю прилив сил. Вроде и болото стало светлее и мельче...

И действительно, вскоре деревья расступаются, давая место горячим солнечным лучам.

Продираюсь сквозь сплошную стену колючего кустарника и падаю в траву.

Арвин Най

Продираюсь сквозь сплошную стену колючего кустарника и падаю в траву.

Рядом хрипит Пихра.

Как он тогда сказал: «Мы с тобой теперь вроде братьев?» А ведь действительно похоже: и цель, и судьба едины.

Поднимаю голову и вижу тихую светлую поляну. На краю ее — хижина, утопающая в зарослях цветного бамбука. После подвального полумрака сельвы яркие краски ласкают взгляд.

С трудом поднимаемся и, шатаясь, бредем к хижине.

Из кустов вылезают десятка полтора глиняных человечков. Они рассеиваются по поляне и, крутя безглазлыми головами, принимают разгрызав свою вечную пантомиму. Куклы маршируют, сбиваются в тесные группки, присаживаются, падают на землю.

Никто еще не смог объяснить, какие силы приводят их в движение. Аборигены просто лепят человечков из мягкой речной глины, и те оживают, включаясь в непонятную, немного жутковатую игру. Зачем аборигены делают глиняных человечков? Никто не знает. И все же какой-то смысл в их существовании определенно есть.

Дельцы-перекупщики — люди энергичные и предприимчивые — пытались наладить экспорт кукол на Эсту, но вне сельвы те мгновенно превращались в обыкновенные куски глины. Против воли на ум приходит аналогия с человеком, легкие которого поражены желтыми спорами.

В хижине тихо и прохладно. Крыша из пальмовых листьев дышит на легком ветерке, работая лучше любого кондиционера. Утрамбованный земляной пол чист, будто по нему секунду назад прошли влажным венником. Ажурные живые стены пропускают внутрь красноватые лучи заходящего солнца. Но самое удивительное, что этот чудесный дом сработан без помощи пилы и топора. Сельва сама построила его по одной ей известному проекту. Корни деревьев превратились в балки и колонны, ветви сплелись в стены, листва образовала надежную неувадающую кровлю. Как говорил Буфи Илм: «Аборигены — частица сельвы, а разве целое обидит свою часть?» Воистину так! Жалко только, что этот мудрый закон не всегда распространяется на человеческое общество. Хотя... свой замок надо строить своими руками.

— Эй, есть тут кто живой? — кричит капрал. Ответом ему служит молчание. Да... Наше вторжение в сельву обошлось ее обитателям гораздо дороже, чем нам самим. Что болота и монстры по сравнению с болезнетворными микробами? Наверное, когда-то и этот поселок был полон жизни, смеха, суеты.

Идем к дверям и сталкиваемся со стариком аборигеном, несущим в руках охапку свежей травы. Глаза его черны и бездонны. Сухое обнаженное тело молодо, голова же седа.

Над стариком вьются две огромные черно-желтые пчелы. Они рассерженно гудят и выпускают свои страшные ядовитые жала.

Абориген машет рукой, и пчелы улетают.

— Привет, — машинально говорит Пихра, совершенно забыв, что лесной житель не может его понять.

Старик молчит. Его глаза косятся на автомат и скатываются под веки. Может, таким образом у аборигенов принято выражать свое неудовольствие?

Мы собираемся знаками дать понять старику, что хотим есть, но в этот момент с поляны доносится громкий заразительный смех.

Пихра отбрасывает старика в сторону и одним прыжком преодолевает расстояние в несколько метров. Автомат оживает в его руках: щелкает предохранитель, с хрустом входит в гнездо тяжелый рожок.

Опираясь на палку, ковыляю к выходу. На секунду забываю о боли в боку: прямо перед нами целые и невредимые стоят Буфи Илм и Келин Квинн...

Биолог держит в руках какие-то крупные желтые плоды, на голове женщины веноч.

Удивительная встреча!

Буфи Илм

Удивительная встреча!

Глаза капрала полезли на лоб. Кажется, он вот-вот выронит автомат. Най привалился к стене хижины, наверное, впервые в жизни забыв об осторожности.

Келин испугалась. Чувствую, как напряглось ее тело, в глазах проснулся страх. Капрал для нее — символ опасности, и сколько еще должно пройти времени, прежде чем она поймет, что настоящая опасность носит дорогой костюм, а не грязный рваный комбинезон.

Я удивлен не меньше, чем Келин, однако страха не ощущаю. Наоборот — как это ни странно, мне радостно видеть Арвина и Пихру. Только теперь начинаю осознавать, как много они для меня значат. Люди, вместе прошедшие тяжелое испытание, не могут оставаться чужими.

— Буфи! — кричит Арвин наконец придя в себя. — Не верю своим глазам! Вы живы, а ведь мы были уверены, что сельва давно расправилась с вами.

— Как видите, мы целы и невредимы, — отвечаю я, улыбаясь. — Не знаю, чем это объясняется, но тем не менее это факт!

— Везение. Удивительное везение! — подает голос капрал.

— Не думаю, что только оно, — говорю я и в этот момент замечаю, что грудь Ная обмотана тряпками, насквозь пропитавшимися кровью.

— Вы ранены, Арвин? — спрашиваю я, и будто в подтверждение моих слов лицо проводника бледнеет, и он сползает в траву.

Бросаемся к нему и осторожно переносим его в хижину. Келин бежит за водой, а мы с капралом понемногу начинаем разматывать повязку. Ткань присохла, приходится срезать ее ножом.

Наконец сходит последний слой, и открывается страшная рана. Тело вокруг нее посинело, опухло. Под истончившейся кожей обозначились черные клубки вен.

Дело плохо. Похоже на заражение.

Делаю надрез и промываю рану. Подходит старик абориген, протягивает мне толстый, будто покрытый воском лист. Прикладываю его к ране и делаю свежую повязку.

Видимо, задеваю Арвина неловким движением, потому что он приходит в себя и морщится от боли.

— Ну как? — спрашивает Пихра.

С удивлением отмечаю в его голосе неподдельное волнение.

— Ничего. И не из таких передраг выкарабкивались, — говорит Най. Он очень старается, чтобы голос его звучал бодро.

Возвращается Келин с каской, полной воды. Арвин жадно пьет, а потом обессиленно откидывается на руки капрала.

Келин забыла о своих страхах и теперь с жалостью смотрит на измученных сельвой людей.

— Как же вы дошли сюда? — спрашивает Арвин, и по всему чувствуется, что вопрос этот его очень волнует. — Даже нам с капралом эта дорога показалась адом, а ведь у нас было оружие, опыт...

— Одна и та же дорога может быть покрыта мягкой травой и ядовитыми шипами, — отвечает Келин и сама пугается своей смелости.

— Действительно, — подтверждаю я. — Сельва словно играла с нами. Как котенок, который, если и покажет коготки, то совсем маленькие и не опасные. Может, она чувствовала, что мы не способны причинить ей вреда?

— Ерунда! — рубит воздух ладонью капрал. — Вы же сами говорили, что сельва и не замечает присутствия человека.

— Зато она очень хорошо чувствует результаты его присутствия. Сельва намного сложнее всего, что мы можем думать о ней.

— И все же слишком много совпадений, чтобы не заподозрить в этом какой-то смысл, — неожиданно поддерживает меня Арвин. — Джунгли бесконечные, но мы все почему-то приходим в одно место.

— Ну мы-то не сами сюда пришли, — отвечает Келин. — Скорее нас с Буфи сюда привели.

— Кто же это? — не верит капрал.

— Он, — указываю на старика, колдующего над лесными травами и цветами. — Пчелы нашли нас, а он привел.

Словно на зов, прилетает огромная мохнатая пчела и, покружив над нашими головами, садится на плечо старика.

— Пчелы у него вроде сторожевых собак или помощников. Когда они прижали нас к земле, я подумала, что сельва приготовила для нас самую мучительную смерть, — Келин передергивает плечами, а затем зарзательно смеется. Я смотрю на нее и тоже не могу сдержать улыбки. Даже суровый капрал добродушно качает головой и хлопает себя по коленям.

— Зачем же ему понадобилось вести вас к хижине? — спрашивает Арвин, безмерно удивленный рассказом Келин.

— Можно только гадать.

— Может, ему просто одиноко? — робко спрашивает Келин. — Глиняные человечки не заменят живых людей.

— Похоже, Келин отчасти права, — подтверждаю я. — Конечно, дело не совсем в одиночестве, но пчелы старика

определенно «натасканы» на людей, терпящих в сельве бедствие.

Арвин и капрал непонимающе смотрят на меня.

— Дело в том, что неделю назад они привели сюда еще одного человека...

Пихра поднимается и берет в руки автомат.

— Где он?

— Отложите автомат, капрал, — говорю я. — Он вам не понадобится.

Арвин тоже с трудом встает.

— Ведите, — говорит он, опираясь на палку.

Прохожу в дальний угол и приподнимаю циновку. На лжанке из травы и листьев разметался человек огромного роста. Широкие плечи, могучий, оплетенный мускулами торс, короткие светлые волосы. На руках — следы недавнего страшного ожога.

Капрал вздрагивает и пристально смотрит на Арвина. Тот согласно кивает и говорит:

— Да, это тот верзила, что сумел уйти из засады.

Какая засада? О чем они говорят? Значит, Пихра и Най знают человека с ожогом?

Хочу спросить об этом, но Арвин, будто почувствовав, поднимает руку и говорит:

— Не надо вопросов, Буфи.

Он говорит это чуть громче, и раненый просыпается. Он видит Найа, капрала, дуло автомата и испуганно вжимается в лжанку. В глазах его — ужас и ненависть.

— Не надо пугаться, — говорю я, давая знак Арвину удалиться. — Никто не причинит вам вреда.

Раненый вновь погружается в забытие.

Укрываю его остатками защитного комбинезона и выхожу, опустив циновку.

Арвин и Пихра подкрепляются фруктами. Келин идет проведать старика.

— Это хорошо, что вы пришли сюда, — говорю я, присаживаясь в углу.

Най и капрал замирают и поворачиваются ко мне. Они давно забыли, что кто-то может радоваться их приходу.

Как же они все-таки изменились! Для себя они менялись медленно, незаметно, но, не видя их больше трех недель, Буфи Илм может оценить эту резкую перемену.

— Что же вы с Келин решили делать дальше? — спрашивает Пихра, чтобы сгладить возникшую неловкость. — Как будете выбираться к поселку?

— Мы решили остаться здесь, — говорю я и вижу, как вытягиваются лица Арвина и капрала. — Не удивляйтесь. Что хорошего ждет нас в поселке? Или даже на Эсте? Здесь же мы впервые почувствовали себя свободными. От всего: денег, условностей общественного положения, несправедливости. Может, в таких хижинах и вырастет настоящий народ Ферры. Пчелы приведут новых несчастных, которые и создадут новое общество, и в нем не будет подлецов и завистников. Они не будут бояться сельвы, потому что сельва перестанет бояться их. Они не смогут делать больно друг другу,

потому что сами много раз испытывали боль. Когда же нас станет много, тогда мы пойдем к поселку, чтобы бороться с тем, что превратило сельву в свалку. В свалку человеческих душ!

— Мечтатель, — говорит Арвин.

— Мечтатель, — соглашается Пихра. — Но какая красивая мечта...

— Вы останетесь с нами? — спрашиваю я, хотя заранее знаю ответ.

— Нам очень хочется остаться, Буфи, — отвечает капрал. — Но мы столько сил и энергии отдали поискам Дерева, столько надежд связывали с ним, что уже просто не можем не идти к нему.

Я знал, что они ответят именно так. Отговаривать их бессмысленно.

— Что ж. Идите, — говорю и чувствую, как на глаза наворачиваются слезы. — Только помните, что в этой хижине вас всегда ждут.

Встаю и прикрываю лицо рукой.

Капрал Пихра

Встаю и прикрываю лицо рукой.

Гудящие тучи мошкары мгновенно превращают пальцы в сплошные волдыри.

Тринадцать дней назад мы покинули хижину старика, а в ушах все еще звенят прощальные слова Буфи Илма. Они что-то сдвинули в моей душе.

Странная штука — совесть. Она может спать десятки лет и вдруг проснуться от одного слова, в самый неожиданный момент. И тогда с вершины срывается лавина. Несутся камни, вывернутые с корнем дерева. То, что ты старательно подавлял в себе, вылезает наружу, память наполняет тебя безграничным стыдом. Ты внезапно понимаешь, что все делал не так, плыл по течению, даже не стараясь вырваться из стремнины. Все твои попытки объяснялись желанием облегчить свое существование, а сделав однажды подлость во имя этого облегчения, уже очень трудно преодолеть новое искушение.

Изменит ли в моей жизни что-нибудь Дерево, если я сам не решу изменить ее?

Илм не захотел бессмертия. Не захотела его и Келин. Они поняли что-то такое, чего не смогли понять ни Арвин, ни я.

Дерево не исправит душу. Так зачем же мы ползем к нему?

Все это бред, что сельва перерождает человека. Человек перерождается сам, если того захочет. Сельва инструмент: в одних руках — добрый, в других — опасный.

А мы все обманываем и обманываем себя.

Спасательный круг самообмана...

Самообман.

Арвия Най

Самообман.

Если бы не страх, мне не понадобилось бы Дерево!

Какая жуткая боль! Кажется, что вены заполнены расплавленным свинцом. Цепляюсь за жизнь, как будто это самое ценное, что можно отнять у человека. Принцип, совесть, плечо друга — вот ценности, за которые порой отдают и жизнь.

Зачем же мне Дерево? Чтобы стать бессмертным циником? Что же оно мне может дать? Избавить от постоянного страха за свою жизнь? Но тогда навалится целая стая других прожорливых страхов — за средства к существованию, имущество...

— Я — трус! Я жалкий трус!!! — кричу на всю сельву. Но она не слышит.

Не слышит и Пихра. Он, утопая в чавкающем болоте, ползет на четвереньках и тащит меня. Он уже не реагирует на окружающее. Движения его монотонны и размеренны, как у автомата.

Есть ли предел человеческим силам?

Ноги мои объаты пламенем. Скоро конец, и только Дерево сможет предотвратить его.

Наверное, последнее, что я увижу, покидая этот мир, будут глаза капрала. И я рад этому. Рад! Потому что могу назвать его другом, потому что он тащит меня, как буксир баржу!

Хорошее слово — друг!

Капрал Пихра

Хорошее слово — друг!

Оно поддерживает во мне силы, а их хватает лишь на то, чтобы, изредка взглянув на карту, тащить бесчувственное, тяжелое, как каменная глыба, тело Арвина.

Почему же я его тащу? Один бы я давно добрался до Дерева. Все же что-то изменилось во мне. Ненависть, выплескивавшаяся на тех, кто меня окружает, переросла в ненависть к силам, принудившим окружающих жить такой страшной жизнью. Ведь гибель человеку приносят не руки, убивающие его, а головы, заставляющие эти руки убивать. А главное — я начинаю понимать и чувствовать не только личную беду, но и трагедию жизни Най, Келин, Браса...

Только теперь замечаю, что болото давно кончилось, и я ползу по плотному влажному песку.

Поднимаю голову и вскрикиваю от изумления.

Джунгли раступились, растеклись в стороны волнами, обнажив одиночную, похожую на зуб скалу. Камень растрескался под солнечными лучами. Ветер и время превратили его в нагромождение плит и зазубренных пластин. На вершине угадывается вход в пещеру. Между глыбами змеится еле приметная тропинка, подтверждающая, что скала, хоть и

редко, но посещается. Там, в глубине каменного мешка, по преданию, и растет странное Дерево, дающее бессмертие.

Добрались! Даже не верится... Что же я чувствую? Торжество? Пожалуй. Человеку свойственно торжествовать, когда, преодолев трудности, он достигает заветной цели. А еще что? Опустошенность. Так бывает, когда стремишься к чему-нибудь, а потом толком не знаешь, что тебе делать.

— Арвин, очнись! — трясу товарища за плечо.

Най разлепляет спекшиеся веки. Постепенно разум возвращается к нему, взгляд обретает осмысленность. Он пытается подняться, но ноги, раздувшиеся, как бурдюки с вином, не держат.

— Пихра, — говорит он, пытаюсь отогнать видение рукой. — Это храм? Это правда храм?

— Да, — отвечаю и почему-то улыбаюсь.

Улыбаюсь и чувствую себя счастливым.

Арвин Най

Улыбаюсь и чувствую себя счастливым.

Свершилось! Уйдут в прошлое страх, выматывающий душу ужас. Я смогу просто бродить по сельве — без оружия, не обращая внимания на змей, взрывающиеся плоды и лианы-удавки, — рассматривать цветы, наслаждаться их ароматом. Ведь я же буду бессмертным. Дерево залечит мои раны, вернет гибкость членам.

Кого же благодарить за это? Конечно, Пихру! Что заставило его тащить меня? Может, смерть Вако и Браса — людей, которых мы по праву должны назвать своими близкими? Или Илм, старик, глиняные человечки? Какой смысл гадать? Пихра не тот, что раньше. И это главное!

Скала чудесна! Чудесна сельва, ее окружающая! Нет сейчас в мире предмета, показавшегося бы мне отвратительным.

К черту память, размышления о смысле жизни, дурацкое самокопание! Жизнь проста, как небо, солнце, земля, и прекрасна, как глоток сока бессмертия...

Глоток сока...

Да, но что, если этот глоток — всего один. Никто не знает, сколько бессмертия дает Дерево. Может, всего глоток — на двоих не хватит!

Но тогда... Пихра силен и здоров, я же искалечен. Если сока действительно мало, он заберет его, а я умру, потому что обратной дороги у меня нет!

Один глоток!.. Но капрал тащил меня через трясины. Вот он стоит и, улыбаясь, смотрит на храм. Лицо молодое, полное радости.

Я сейчас сойду с ума. Сельва, зачем же ты поставила меня перед этим выбором! Рука сама тянется к бедру, к ножнам, в которых острый, как бритва, тесак...

Он же спас меня!

Нет! Нет!!

— Ну что ж, — Пихра поворачивается ко мне и подмигивает. — Вперед.

Он подходит ко мне, взваливает на плечи и, тяжело ступая, идет по горной тропе.

Вот и пещера. Врата в вечность

Как здесь сумрачно и прохладно. Откуда-то сверху льется мутный рассеянный свет. Углы зала тонут в темноте, но пол мерцает мелкой кварцевой крошкой. Искрытся каменные сосульки, сросшиеся в фантастическую колоннаду.

Пихра идет длинной темной галереей, и мы наконец оказываемся в просторном светлом зале.

Противоположная стена густо покрыта рисунками. Высокие темнокожие люди выходят из леса. Они садятся в кру-

жок, что-то обсуждают, горячатся. Селение — шумное, веселое. Дети, плетущие из лиан фантастические живые картины. Во всем ощущение праздника, радости.

И никакого Древа!

Вернее, сами рисунки складываются в чудесное, пышное и раскидистое дерево.

Догадка молнией пронесется в моей голове, и, словно в подтверждение ее, раздается смех Пихры:

— Это же история! История жизни аборигенов в сельве!

Действительно история. Человеку всегда хочется знать, как жили бесчисленные поколения его предков.

Смех Пихры постепенно стихает. Он оборачивается ко мне и говорит:

— А знаешь, по-моему, это самое справедливое бессмертие. Бессмертие целого народа, жившего в гармонии с природой и прожившего бы так тысячи лет, не вмешайся мы со своими автоматами и болезнями.

Крушение надежд! Но я воспринял его как-то спокойно, поэтому не могу не согласиться с капралом.

Пихра опускается на чистый прохладный пол и говорит:

— Арвин, я благодарен тебе, что ты сказал себе «нет».

Тогда, когда подумал об одном глотке бессмертия.

Я смотрю на него, как на ясновидца, и чувствую, что начинаю краснеть:

— Откуда ты знаешь?..

Пихра хитро улыбается и переспрашивает:

— Откуда?

И тут мы оба начинаем смеяться. Мы смеемся так, как, наверное, не смеялись никогда в жизни.

— Ну что ж. В дорогу, — говорит капрал, взваливая меня на плечи.

— Куда же мы теперь, Пихра?

— Куда? Наш путь только начинается.